

Николай Васильев

Три жизни одного из нас

Красноярск, 2017

Николай Васильев

Три жизни одного из нас

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Васильев Н. Ф.

Три жизни одного из нас / Н. Ф. Васильев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Это произведение следовало бы издать в «Детгизе» – если бы сие славное учреждение еще существовало и при этом перестало чураться эротических тем, столь вождеваемых юношеством. В нем мается, взыскует и действует явный искатель приключений. При этом не привлекательный бандит, ловкий мошенник или мифический герой прошлых веков, а образованный молодой человек позднего СССР, выстраивающий жизнь в соответствии с личными пристрастиями, в некоторой степени авантюрными. Но если ты молод и у тебя нет жажды приключений – стоило ли вообще родиться на свет? Содержит нецензурную брань.

Три жизни одного из нас.

Аннотация. Это произведение следовало бы издать в «Детгизе» – если б сие славное учреждение еще существовало и при этом перестало чураться эротических тем, столь возде-лемых юношеством. В нем мается, взыскует и действует явный искатель приключений. При этом не привлекательный бандит, ловкий мошенник или мифический герой прошлых веков, а образованный молодой человек позднего СССР, выстраивающий жизнь в соответствии с личными пристрастиями, в некоторой степени авантюрными. Но если ты молод и у тебя нет жажды приключений – стоило ли вообще родиться на свет?

Часть первая. Скучная жизнь

Глава первая. Досуг в чужом городе

Как-то ласковым майским днем 1984 года, когда разгулявшееся солнце еще и не думало покидать небосвод, но малая стрелка часов уже шагнула за цифру "6" и на улицах некоего уютного среднерусского областного центра стало почти многолюдно, трое молодцеватых командированных, только что заполучивших места в приличной гостинице, озаботились очередной, более душевной проблемой: чем заполнить вечерний досуг?

– Что тут долго думать? – нажимал Егор Петрович Бутусов, крепкий мужчина лет сорока пяти, густоволосый, бровастый и басовитый, очень похожий на молодого Брежнева. – Берем по бутылке водки, пива, разной закуси – и в номер, тем более что он трехместный. Тепло, светло и никаких приключений на задницу! К утру проспимся – и на объекты...

Однако это разумное предложение не вдохновило более молодых, под тридцать, коллег.

– Ну что ты, Палыч, – урезонил его Сергей Карцев, бывший среди них за главного, – этак гульнуть мы и в своей Тьмутаракани можем. А тут почти столица, иные возможности, которые грех не использовать.

– Вообще-то, жена советовала мне сходить в театр, – с ноткой неуверенности в целесообразности такой формы отдыха проговорил Александр Хмельницкий: высокий широкоплечий блондин с темными усами, почти воплощенная мечта женщин, если б не его совершенное простодушие, граничащее в глазах упомянутых бестий с преступлением.

– Что ж, вот под рукой сегодняшняя газета, глянем, что идет в театрах, – живо подхватился Карцев. – Та-ак, в Драматическом: "На всякого мудреца довольно простоты", пьеса незабвенного господина Островского. Поверил ли бы он провидцу, предсказавшему столь дол-гую жизнь его замоскворецким историям? Впрочем, эта пьеска живая, пикантная, но ведь ее недавно показывали по телевидению... С Васильевым в главной роли – ты, наверно, помнишь, смотрел? Где он дурит всех подряд – генерала, тетушку, барыню и ее дочку, – а попался на дневнике... Помнишь?

– М-м... Вроде видел, – протянул Александр.

– Для чего ее тогда по новой смотреть, да еще в здешнем варианте, только впечатление портить... Теперь в Музыкальной комедии: ага, "Веселая вдова"... Тоже сто лет в обед. Да и веселого в ней, честно тебе скажу, мало: я смотрел – конечно, по телику. Вот на "Сильву" можно было бы сходить: там и ухочешься и музыкальные куски хорошие. Посмотрим завтра афишу на месяц – вдруг как раз угодим? Ну, а других театров тут вроде нет.

– Может, тогда в кино ходим? – предложил Хмельницкий и тут же заморгал, осознав убогость своей фантазии.

– Гениально! – язвительно откликнулся Карцев. – Еще съедим по мороженому, после фильма попьем морсу, затем на горшок и спать! Нет уж, Саша, кино дома смотреть будешь – по субботам, вместе с женошкой ненаглядной. А здесь ты на воле, со своими товарищами, и этой волей надо воспользоваться на все сто – чтоб потом не охать об упущенном времени.

– Ты на баб что ли, Андреич, намекаешь? – вклинился Бутусов. – Где ж их взять? Пойти по номерам или на Бродвей местный?

– Э-эх, темнота, а для чего же тогда существуют рестораны? В том числе и при нашей гостинице? Я, между прочим, в прошлую командировку в нем побывал: то, что надо! Уютно, вкусно, танцы до упада, публика разгульная, но приличная и полно свободных женщин. Да одни официанточки чего стоят: все молоденькие, стройненькие, сладкоголосые, считают тикку в тикку – так и хочется ей сверху накинуть! Это у них так стало после ремонта; раньше было помпезно и в то же время убого, в казарменно-вокзальном стиле...

– Да ведь там, наверно, дорого, нам никаких командировочных не хватит? – засомневались товарищи в один голос.

– Ерунда, по десять-пятнадцать рэ с носа обойдется, если не шиковать. Гарантирую, что будем и сыты и пьяны и в хороводе из женщин. Это одному там как-то не с руки, а в компании не заскучаем.

– Ну, разок сходить, пожалуй, можно, – дозрели провинциалы.

– Тогда поспешим, пока все столы не разобрали, после семи будет поздно. Хотя, вот что: вы идите переодеваться, а я пока займу места. А придете – я пойду прихорашиваться. Лады?

После семи в ресторане, действительно, не осталось свободных мест. Лишь стол на проходе, где сидели напряженные Бутусов и Хмельницкий, выглядел как-то неприкаянно. Впрочем, на нем уже стояли блюдо с рыбным ассорти, салатница с овощами под майонезом, а также кувшин с клюквенным морсом и графинчик водки, из которого незадачливые гуляки решились отпить по рюмке. Наконец, в дверях появился преображенный Карцев: в светло-серых, чуть расклеванных от бедра брюках и темно-синем зауженном однобортном пиджаке с бронзовыми пуговицами, ослепительно белой рубашке и узком синем с красной искрой галстуке, повязанном с искусной небрежностью. Его темно-русые волосы были, против обыкновения, расчесаны пробором посередине и симметрично обрамляли бледное лицо, отчего оно, от природы скорее круглое, казалось аристократически продолговатым. Да и вся его фигура будто вытянулась, хотя росту в Карцеве было лишь метр семьдесят два. Он не спеша обозрел собравшихся в зале из-под чуть прищуренных век, легкой, танцующей походкой подошел к своему столу и сел лицом к эстраде.

– Ну, Сергей, ты прямо красавцем выглядишь, сегодня все женщины твоими будут! – с обычной простотой восхитился Хмельницкий.

– Всех мне, сам понимаешь, не объять, – улыбнулся Карцев. – А вот закадрить одну хорошенькую курочку просто обязан – коли зазвал вас сюда. Кстати, вы уже приложились?

– Выпили по одной, – солидно пробасил Палыч. – А между первой и второй...

– ...перерывчик небольшой! – дружно подхватили сотрапезники и наполнили рюмки.

Минут через пятнадцать они вполне оживились и освоились, приканчивая графинчик, закуски и болтая, о чем попало. Сергей Андреевич уже собирался дать знак официантке, чтобы она несла заказанные бифштексы и второй графин, как вдруг та сама подошла к ним с просьбой.

– У вас за столом есть свободное место: позвольте посадить к вам двух женщин?

Ответили все разом:– Хорошеньких? (Хмельницкий). Грех отвергать женщин (Карцев). Лучше бы трех (Бутусов).

Через минуту она подвела к ним припозднившихся дам лет тридцати-тридцати пяти. Одна из них – статная, полногрудая и крутобедрая, поощрительно улыбающаяся, с уверенной повадкой – явно была лидером; вторая, как водится, держалась в тени, хотя природа и ее плотью наделила щедро. Дам усадили на лучшие места, перетасовавшись и потеснившись, стали знакомиться, предлагать водочку и остатки закусок... Они, держа марку, отказывались, сделали свой заказ; впрочем, немного погодя, выпили по рюмке...

Тем временем официантка принесла мужичкам бифштексы, гарнир, еще графинчик, а следом оделила и женщин. Тут и вовсе за столом оживились и выпили вновь, крепя растущую

приятнь. Больше, конечно, балагурили Карцев и раскованная Татьяна, между тем приглядываясь друг к другу. Однако результат их обоих, видимо, разочаровал: за радушием и улыбками новообращенной знакомой Карцев распознал изрядную расчетливость; вероятно, что-то неподходящее обнаружила в разговорчивом соседе и Татьяна, так как, продолжая с ним любезничать, она стала все чаще откликаться на неуклюжие комплименты Александра, вполне подпавшего во власть ее несколько циничного обаяния. Что касается Бутусова и застенчивой Валентины, то они предпочли в застольи роли слушателей и зрителей – не забывая, впрочем, прилежно кушать и выпивать.

Вдруг в зале раздались звуки настраиваемых инструментов, и все живо закрутили головами. Из группы музыкантов на эстраде выдвинулся патлатый и бородатый ритм-гитарист и заговорил в микрофон:

– Добрый вечер, уважаемые посетители! Сегодня для вас в этом зале выступит вокально-инструментальная группа "Дрозды"! Вы слышали, как поют "Дрозды"? ("Да!" "Нет!") Нет? Ну, так сегодня услышите! И вместе с нами услышите настоящую соловушку – несравненную Лялю Солнцеву! (Из-за ширмы выпорхнула миниатюрная, символически одетая девушка с гривой черных блестящих волос и мило поклонилась). Желаящие могут заказывать нам популярные песни, за исключением блатных и иностранных. Мы споем их в лучшем виде! А пока – и он повернулся к музыкантам – неувыдаемый шлягер последних десятилетий: песня о жемчужине у моря, то есть об Одессе!

И пошло раскручиваться, набирать силу основное ресторанный действие предперестрочной России: музыкально-танцевальное. В сторону выпивку, закуски и разговоры, пора брать женщин на бордаж! К тому же под этот грохот и не поговоришь – "мы не в Чикаго (Париже, Лондоне...), моя дорогая", где рестораны и дансинги пространственно разведены... Ах, тогдашние хиты: "Миллион роз", "Лаванда", "Зеленый светофор" и, конечно, "Соловьи поют, заливаются"... Мертвого способны были расшевелить, а уж молодых подвыпивших мужчин и женщин просто бросало друг к другу под такую музыку...

Спустя полчаса Сергей окончательно махнул рукой на приличия и, предоставив Сашке с Татьяной упиваться друг другом от танца к танцу, а тихушницу Валентину сплавив на попечение усидчивого Бутусова, пустился в путешествие по залу (уже, конечно, без пиджака), перепархивая от одной прелестницы к другой, не стесняясь поднимать их и от столов. Танцевал он энергично, с выдумкой, обвивая гибкий стан очередной пассии то одной, то другой рукой, вращая ее и раскачивая, отстраняя и притягивая, проскальзывая и стискивая, заходя с томительной медлительностью со спины и двигаясь в полуприсяди: бедро к бедру, щека к щеке... Подолгу он ни с одной не задерживался, по опыту зная, что главное "засветиться", обратить на себя внимание многих – а там уж добыча на ловца сама выбежит.

По завершении одного из танцев он поймал на себе взгляд молоденькой девушки, сидевшей за одним из угловых столов, меж двух крупных теток – то ли день рождения там отмечали, то ли что-то еще... Девушка была прехорошенькая, стройненькая и явно скучала. Вновь заиграла музыка ("Море, море...") и милашка опять посмотрела в сторону Сергея, притулившись к колонне. Не отрывая от нее взгляда, он подошел и пригласил с полупоклоном. Тетки нахмурились, но опекаемая решительно встала из-за стола.

Они ввинтились в толпу танцующих, в самую ее середину, Сергей обнял тоненькую фигурку, слегка привлекая к своей груди, как вдруг эта ангелица обхватила его со спины за плечи и с силой прижалась далеко не символическими грудями. А также бедрами и животом... По жилам его будто пламя пробежало, кровь яростно запульсировала, а мужское «естество» повело себя самым естественным образом, – что маленькую фурию явно порадовало. В теснейшем сплетении они пробыли весь танец, лишь слегка раскачиваясь. Под конец он отстранил ее голову и беззастенчиво впился в свежие губы...

Когда последний аккорд истаял в воздухе, она уронила руки, окинула его косвенным взглядом, что-то прошептала ("спасибо", что ли?) и пошла деревянным шагом под надзор встревоженных дуэний. Сергей же, слегка пригнувшись и засунув в карман брюк руку с целью усиленной маскировки кое-чего, покултыхал в туалет, где стал приходить в себя.

– Вот чертовка, – с восхищением усмехался он, – ни грамма стеснения! Ее бы и закадрить – да куда, при таком оцеплении...

После этого абордажа наоборот Карцев решил немного передохнуть от танцев за своим столом. Подойдя к нему, он увидел Бутусова сидящим рядом с прилично поддатой Валентиной. Встряхивая цепкой дланью ее полную коленку и вперив горящий взгляд в очи, Егор Палыч говорил тихо и проникновенно:

– Весь мир – бардак, все люди – бляди!...

Та безмолствовала, но рук не отталкивала.

Сергей сел от них поодаль, чтобы не мешать проклевывающейся идиллии, но тут в танцах наметился большой перерыв и к столам потянулись все. Появились и Александр с Татьяной: сыто улыбающиеся, довольные друг другом. Застолье возобновилось, благо и водка и закуска еще наличествовали. Впрочем, пили и ели скорее по инерции, действительно заполняя вынужденный тайм-аут. Немного погодя дамы удалились "пудрить носы", а мужики оживились.

– Послушай, Серега, – доверительно склонился Хмельницкий, – у меня с Татьяной продолжение намечается. Но, во-первых, она живет где-то за городом, а еще я беспокоюсь, не подхватю ли от нее какую-нибудь заразу? Да жене и привезу? Она ведь меня поедом есть будет... Может, ну его на фиг, приключение это? Хотя баба сдобная, да еще и словечки всякие знает, от которых у меня аж из брюк рвется...

В ответ на этот стон души Карцев, пошарив в кармане своего пиджака, достал упаковку из нескольких презервативов и передал ее Сашке со словами:

– Ты, идя сюда, вроде знал, как дело может обернуться, а все же не запасся самым необходимым. Хорошо, я у вас есть, не так ли?

– Сергей! Ты не только умный, но и самый..., самый...

– Ладно, не напрягайся. К сожалению, от букарашек эта резина не защитит, тут остается надеяться на везение. Хотя, по-моему, она баба все же чистоплотная и с кем попало в койку не ложится. Твоя же порядочность у тебя на лице написана. Это она удачно к нам подседа и, уверяю тебя, использует такой шанс на сто, а то и сто двадцать процентов. То есть высосет тебя до донышка. Успокойся, я не деньги имею в виду, которых у тебя все равно нет, а твою мужскую силу.

– Ну вот, опять ты меня в сомнение вводишь...

– Уж чего-чего, а сила у тебя немереная и просто так не иссякнет, восстановится.

– А если жена догадается? Я ведь после командировок обычно так на нее набрасываюсь...

– О, господи! А в этот раз скажешь, что очень дорога была утомительная. Или что ты здесь малость приболел: простуда, или понос...

– Да? Ну, не знаю, может и сработает. А все же как-то мне не по себе...

Тут Карцев повернулся к Бутусову.

А у тебя-то, Палыч, как дела сердечные обстоят? Поддается Валентина?

– Она, может, и не прочь, – уныло пробасил Бутусов, – только куда я ее поведу?

– Как куда – в наш номер! Ты же слышал, что Сашки в эту ночь здесь не будет, да и я рассчитываю проводить какую-нибудь туземку... Если и вернусь ночью, то ты, поди, уже управишься? Или сегодня ты обуян половым гигантизмом?

– Какой там гигантизм, мне ведь не тридцать лет. Палочку бы кинуть и то ладно.

– Может и кинешь, если не будешь сиднем... Ты вспомни молодость свою удалую, как ты девок и баб на вечорках крутил да тискал, а при случае и приходовал... Или все твои многочисленные нам рассказы на деле сказками являются? В общем, как снова танцы начнутся,

веди на круг Валентину и расшевели, разогрей ее как следует. А когда Сашка с Татьяной уходит засобираются, шепни своей пассии, что обязательно проводишь до дома, а пока хочешь угостить ее в гостинице такой настоечкой, какой она в жизни не пробовала.

– Да ведь у нас ничего спиртного в номере нет...

– Ну, беда! Главное, чтоб она пойти согласилась, а там свет выключишь и дожидай ее. Конечно, с болтологией. Что ты, в самом деле?! Грамотный ведь!

– Грамотный-то, грамотный, только отвык я от таких дел. С женой-то все попроще...

– Проще, это верно. Зато и удовольствие не то. Или уж, поди, и не удовольствие, а обязателька? А, Пальч?

– Иди ты, Сергей Андреич, на фиг! – сдвинул брови Бутусов. – Давайте лучше выпьем, да по полной! А то вроде пьем – хлюп, хлюп, – а еще ни в одном глазу!

– В одном-то есть, Пальч, – примиряюще завершил разговор Карцев. – Ну, будем!

Дамы нарисовались к возобновлению танцев. Соответственно, сидеть они не захотели, и Хмельницкий вновь повлек к эстраде Татьяну, а Валентину повел (с тычком в бок от Карцева) Бутусов. Сергей же стал зорко оглядывать диспозицию: пора было и самому определиться. Но не определился: одни уже явно заняты, к другим не клонила душа, третьи совсем были неказисты... Он подошел к танцующим, вклинился под разудалую музыку, но и танцевальный запал его исчез. Один танец сменялся другим, пляски на танго и обратно, но Карцеву становилось все скучнее. В качестве последней надежды он посмотрел в угол, где ранее томилась юная греховодница, но всей той компании след простыл. Глянул на часы: скоро одиннадцать. Он поплелся к своему столику и обнаружил там одинокого Егора Павловича.

– Что, они ушли? – спросил об очевидном.

– Да, и Сашка с ними.

– А что же Валентина?

– Да она тоже за городом живет, где и Татьяна.

– Так составил бы им компанию...

– А-а, – махнул рукой Бутусов. – Они меня и не звали...

Карцев помолчал, оглядел неряшливый стол, где остались объедки да морс на дне кувшина, и вновь поднял глаза на коллегу:

– Что, Пальч, будем рассчитываться?

– Да, чего-то тут не пьется. Говорил ведь тебе, давай в номере гульнем, так нет, вас на баб потянуло... А может, в гостиницу бутылку возьмем?

– За двойную цену? И так порядком израсходовались. Кстати, бабы-то расплатились?

– Все чин-чинарем. Даже на чай чего-то дали.

– Бедный Сашка. Ужо Татьяна на нем отквитается.

– Ну, совсем похоронил парня. Еще неизвестно, кто кого заездит. А ты, что же, так никого и не склеил?

– Клей, видать, взял не того типа: схватывает хорошо, но не держит.

Делать нечего: подозвали официантку и, в подтверждение репутации, та взяла с них побожески. Расчувствовавшись, они щедро дали на чай и стали было подниматься из-за стола, как вдруг шедшая по проходу вполне миловидная женщина, притормозив, спросила:

– Такие интересные мужчины и уже уходят?

Всмотревшись пристальнее, Карцев узнал в ней одну из своих партнерш, с которой танцевал, будучи еще в ударе. Реакция его была почти мгновенной:

– Нет, мы передумали. Если, конечно, Вы поддержите в нас это решение и согласитесь потанцевать.

– Я согласна, – без ужимок ответила она, твердо глядя в глаза понравившемуся мужчине.

Спустя полчаса Карцев шел рука об руку с решительной Аллой в сторону ее дома, беспрестанно любезничал и думал про себя: «Неужели подарок судьбы?»

По ходу выяснилось, что в ресторане Алла оказалась почти случайно, в связи с днем рождения подружки. У подъезда дома ("сталинской" постройки – одобрительно отметил Карцев) она нерешительно остановилась, но Сергей как бы галантно открыл дверь и, пропуская мимо себя прелестницу, вдруг перехватил ее рукой под грудь и припал губами к удивленно поднятому лицу, целуя без разбора щеки, нос, глаза и потом сочные, горячие, все более сладостные губы... Ощувив в ней подъем чувств (в нем самом их было уже предостаточно), он стремительно повлек ее по лестнице на второй этаж, к оконной нише (не раз в студенчестве ему доводилось соблазнять девочек в подобных нишах!), но возле нее Алла озямтовалась и отстранилась.

– Нет, нет, не здесь. Пойдем ко мне.

Они поднялись еще на этаж и, стараясь не шуметь ("дочка может проснуться..."), вошли в темную прихожую. Взяв Карцева за руку, Алла провела его на кухню и попросила подождать – все так же, без света. Ждать пришлось, как показалось претенденту, долго. Наконец, кухня озарилась электричеством, дверь открылась и вошла хозяйка – уже в халатике, голоногая.

– Спит в своей комнате, – сказала она. – Может, выпьешь чаю?

Не вставая с табурета, Сергей скользнул ладонью по бархатистой коже под халатик и не обнаружил там трусиков.

– Какой чай, – шепнул он, тотчас поднявшись на ноги, – потом с чаем...

Сбрасывая по ходу пиджак, рубашку, туфли и подталкивая перед собой вождленную женщину, он добрался к уже разобранной постели, откинул одеяло, прыгающими пальцами расстегнул тут же соскользнувший халатик и, легко подняв Аллу на руки, уложил на кровать. Справившись с остатками своих одежд и прямо-таки содрогаясь от страсти, нырнул в кольцо ее поднятых рук, напрочь забыв о необходимости предварительных ласк и презервативе...

Они лежали обездвиженные после страстной бури, как вдруг Алла повернулась к нему, забросив руку и ногу поверх только что бывшего могучим мужского тела, и, легонько целуя в висок, щеку и лоб, стала нашептывать о том, как ей было с ним хорошо, как давно она подобного не испытывала, каким сильным он оказался и как трудно ей было удержаться от криков – хотя раньше она умела себя контролировать... Какой мужчина сможет остаться спокоен, слыша подобные признания?

Одним движением Сергей перебросил прелестницу на себя и стал разнеживать теплыми ладонями и пальцами ее чуткую узкую спину, неожиданно объемные, гладкие, чуть прохладные ягодицы и бедра... Одновременно он говорил ей сладостные для женского уха слова: как хороши на вкус ее губы, прекрасны глаза, изумительно мягка кожа, обворожителен голос... «А запах! Тебе не нужны духи, ты сама могла бы продать свой запах за миллионы долларов госпоже Шанель и та на духах с этим запахом обогатилась бы еще больше... А какая ты умница: не дала мне уйти из ресторана! Лежал бы я сейчас в холодной гостиничной постели и мял подушку!».

Какая женщина, слыша столь желанные речи и нежась под ласковыми вездесущими руками, может долго оставаться без движения? Ее раковина тотчас нашла волшебную мужскую штуку, и вот они вновь стали раскачиваться на упругих волнах. Ствол ее гибкого тела вздымался все выше и выше и к Алле пришел оргазм, пережив который, она с приятным удивлением ощутила прежнюю незыблемость мужского аргумента. И с удовольствием продолжила прерванное занятие... Этой удивительной стойкости, впрочем, было простое объяснение: Сергей, будучи опытным женолюбом, наглухо пережал канал в основании «штуки», хотя испытывал немалые страдания... Наконец, он прекратил свои ухищрения и, перехватив инициативу, с силой оросил Аллино чрево.

– Слава богу, что у меня только месячные кончились, – вырвалось у нее, – а то наделал бы ты мне делов!

– Вообще-то у меня есть с собой презервативы, – запоздало признался Карцев, и они оба приглушенно расхохотались.

Глава вторая. Заманчивое предложение

И вновь солнце бодро катит по небосклону, но уже утром следующего дня и далеко не ранним. Но в чем первое преимущество командированного? В том, что ему нет нужды являться в пункт командировки к началу трудового дня. К тому же это дурной тон. А второе преимущество? Правильно: ему неприлично дожидаться и конца рабочего дня. Но до реализации второго преимущества уставшему на досуге командированному еще надо дожить...

Так или примерно так балаболит мысленно тем утром Карцев, вяло начищая зубы в гостиничном умывальнике, а потом соскребая ненавистную щетину. «Все же четырех часов для сна маловато, – резюмировал он. – А как же бедная Алла, ей ведь уже положено быть на работе?»

Впрочем, он был того мнения, что женщины гораздо выносливее мужчин – хотя бы в некоторых отношениях.

В номере бывалый Бутусов уже вспузырил бритвенным кипятивником воду в стаканах, заварил чай и соорудил по паре бутербродов с сыром и колбасой. Уплетая с неожиданным аппетитом этот нехитрый завтрак, вновь заперезживали по поводу Сашки, не явившегося и поутру.

– Все же зря ты его втравил в это дело с бабами, Андреич, – пенял Карцеву Бутусов. – Где в случае чего его искать? И дело будет стоять...

– Чему нас партия учит, Палыч? – демагогически защищался Карцев. – Людям надо доверять! Тогда и они к тебе доверие проявят.

– Доверяй, да проверяй. А как ты их проверишь, адресок-то неизвестен! – гнул свое не раз битый Бутусов.

– Ладно, не кипишуй раньше времени. К вечеру точно объявится. А его сегодняшние объекты мы за неделю наверстаем. Ну что, по коням?

В десять ноль пять, следуя по улице Ленина, Карцев подошел к дверям старинного двухэтажного особняка под номером 17 и убедился, что в нем действительно размещается Энский государственный проектный институт водного хозяйства, то есть ГИПРОВОДХОЗ, где ему предстояло навести небольшой шмон. Он вошел в гулкий безлюдный вестибюль с квадратными колоннами и, сверившись с кабинетным указателем, вывешенным на одной из колонн, поднялся по широкой лестнице из тусклого выщербленного мрамора на второй этаж, где на одной из вычурных дверей обнаружил эмалевую табличку с надписью "Приемная".

За дверью его ноздри затрепетали от аромата свежесваренного кофе, а глаза чуть дрогнули, наткнувшись на вопрошающий взгляд эффектной стройной блондинки в деловом темно-синем костюме, смотревшемся на ней как изысканный вечерний туалет.

– Вы к директору? – с ноткой интимности в голосе спросила нимфа, она же секретарша. Эта нотка, уловленная чутким на такие вещи Карцевым, означала, что его манера одеваться и держаться, молодость и одновременно мужественность, мгновенно оценены и восприняты благосклонно.

– Может быть. Но сначала, несомненно, к Вам, – с похожей ноткой ответил неисправимый ловелас. И пояснил, подавая свое предписание: – Вряд ли ваш директор лично регистрирует командировки...

Предписание с улыбкой было принято, но по мере чтения лицо секретарши становилось все более озабоченным.

– Значит, Вы к нам с проверкой? – подытожила она.

– Увы, именно так.

– А ведь Анна Григорьевна о Вас недавно говорила...

– Что, директор – женщина?

– Ну да. Она мне жаловалась, что все последние проекты водозаборов блокирует какой-то Карцев. Это же Вы?

– Я, – со вздохом признался Сергей Андреевич.

Неожиданно из динамика на секретарском столе раздался чуть раздраженный женский голос:

– Леночка, что там сегодня с кофе?

– Несу, Анна Григорьевна, – нажала кнопку селектора секретарша. – А к нам здесь командированный прибыл, Карцев Сергей Андреевич.

– Карцев? Из гидрогеологической экспедиции?

– Да.

– Пожалуйста, пригласи его в мой кабинет.

– Может, еще чашку кофе прихватить? (Вы пьете кофе? – обратилась секретарша шепотом к Карцеву. Тот кивнул.)

– Да, конечно, Леночка.

Секретарша отключилась, сделала для Карцева круглые глаза и по-быстрому сервировала поднос.

– Откройте мне дверь, – по-свойски указала она, – и идите следом.

В светлом, просторном, на три окна, кабинете из-за длинного стола навстречу Карцеву энергично вышла аккуратная невысокая темноволосая женщина лет сорока пяти и, зорко вглядываясь в него, протянула по-мужски руку:

– Пашкевич Анна Григорьевна. А Вы, значит, и есть Карцев Сергей Андреевич?

– Просто Карцев. До Андреевича, мне кажется, не дорос.

– А, по-моему, вполне. Хватка у вас как у зрелого мужа. Да Вы присаживайтесь к столу, поближе, выпьем пока по чашке кофе. Леночка очень неплохо научилась его варить.

Секретарша, расставлявшая чашки, сахар, сливки и печенье, слегка покраснела от полученного в присутствии интересного мужчины комплимента и тихо ретировалась.

– Вы ведь недавно работаете в экспедиции? – неспешно смакуя кофе, начала разговор директор.

– Полтора года.

– А в должности куратора по охране подземных вод от истощения и загрязнения?

– Уже год.

– И как Вы себя чувствуете в этом качестве?

– Втягиваюсь понемногу. К сожалению, во многом приходится идти наощупь, так как это дело новое: не только для меня, но и для экспедиции в целом...

– Значит, понемногу? А нам здесь показалось, что Вы взяли за эту охрану весьма горячо и круто. Или это только наши проекты Вы режете на корню?

– Не только. Да и ваши я, в сущности, не режу, а всего лишь прошу рассчитать уровни будущих депрессионных воронок на проектируемых водозаборах. О них в ваших проектах ни слова, ни полслова. А что, если вы построите водозабор, а лет через двадцать водоносный горизонт в его районе будет истощен, и потребителю, заплатившему за него денюжки, ничего не останется, как строить новый водозабор, где-нибудь в стороне? А все почему? Потому, что при проектировании не были сделаны расчеты максимально допустимой и оптимальной производительности водозабора. Потому что вы ведете проектирование по устаревшим руководствам, верным лишь для одиночных скважин и маломощных водозаборов.

– А что, вы новые руководства имеете?

– Конечно. Собственно, это не совсем руководства, а монографии и коллективные труды наших и зарубежных гидрогеологов, впрочем, одобренные Министерством геологии СССР и рекомендованные к практическому использованию в различных отраслях – там, где широко эксплуатируются подземные воды. В вашем случае очень хороша, по-моему, книга "Гидродинамические расчеты в районах подземных водозаборов", в которой разобраны практически все возможные гидрогеологические обстановки и сделаны типовые расчеты депрессионных воронок применительно к этим обстановкам. Я, кстати, специально привез ее с собой – для вас.

С этими словами Карцев открыл свой "дипломат" и подал Анне Григорьевне рекомендованную книгу. Та с интересом полистала ее и затем, щелкнув селектором, проговорила в микрофон:

– Вероника Матвеевна, зайдите ко мне!

Повернувшись к требовательному визитеру, она осведомила:

– Это наш главный специалист по проектированию скважин.

Через минуту в кабинет с озабоченным выражением лица вошла невыразительная, средних лет толстушка. Зацепив краем глаза посетителя, она с заметным подобострастием обратилась к директору:

– Вызывали, Анна Григорьевна? – Хотя вызов был, верно, слышан не только ей, но и всему ее отделу.

– Вот, Вероника Матвеевна, познакомьтесь: Карцев, Сергей Андреевич, из гидрогеологической экспедиции.

Та похлопала глазами и умильно заулыбалась в лицо заочно знакомому требовательному куратору.

– С проверкой к нам приехали Сергей... Андреевич?

– Скорее помочь вам, Вероника Матвеевна. Если вы эту помощь примете.

– Сергей Андреевич, – сочла нужным пояснить Анна Григорьевна, – привез нам руководство по расчетам водозаборов: тем самым, о необходимости которых он неоднократно писал на полях наших проектов. Подсаживайтесь к нам и давайте вместе поищем в этой книге подходящие нам варианты...

В тринадцать ноль-ноль дверь в директорский кабинет приотворилась и в щель заглянула пунктуальная Леночка.

– Анна Григорьевна, пора бы обедать...

– Что ж, мы практически обо всем договорились, – подытожила затянувшееся совещание директор. – Сегодня же, Вероника Матвеевна, и займитесь со своими работниками первыми расчетами, переписав необходимые формулы из этой книги.

– Ну, зачем переписывать, Анна Григорьевна, я вам привез ее насовсем. У нас остался еще экземпляр. Будем контролировать ваши расчеты по нему, – доброжелательно улыбаясь, стал подниматься Карцев.

– Очень благодарю Вас, Сергей Андреевич, – приятно улыбнулась начальственная дама. – Я надеюсь, Вы не откажетесь со мной пообедать? Напротив института есть уютное недорогое кафе, к которому многие из нас привыкли. Уверяю, что кормят там вкусно. Заодно еще немного с Вами поболтаем.

– Не в моих привычках отказывать женщине, – с показной галантностью откликнулся Карцев, – а уж отказывать начальству...

Тут он слегка развел руками и дурашливо покачал головой.

– Ну, ну, – усмехнулась Пашкевич, – я ведь не ваша начальница...

В просторном кафе, удачно разгороженном висячими растениями на уютные кабинеты, у директора ГИПРОВОДХОЗа было, оказывается, постоянное место, возле которого

услужливая Леночка уже принимала от официантки дымящиеся тарелки. Завидев вместе с начальницей Карцева, она тут же сказала что-то официантке, и та, зыркнув в сторону неожиданного клиента, вновь пометелила к кухне и, пока они церемонно рассаживались, успела вернуться обратно с подносом, на котором исходили паром та же солянка и биточки с картошкой.

– Здесь разнообразие в меню обеспечивается не ежедневным набором разных блюд, а день ото дня в течение недели, – появила Карцеву Анна Григорьевна. – Как дома, не так ли? Вот по вторникам у них солянка и биточки, вчера были щи и гуляш, а завтра ожидается куриная лапша и расстегаи с потрохами...

– Соответственно, в четверг будет рыбный день, – подхватил с лету Карцев, – а в пятницу, вероятно, молочно-разгрузочный?

– Нет, нет, – запротестовали, улыбаясь, гурманши, – разгрузочного дня мы не потерпели бы!

Когда первый голод был утолен, женщины между глотками стали неспешно удовлетворять свое любопытство по поводу семейного положения молодого куратора, квартиры, заработка и других жизненных обстоятельств. В основном, конечно, расспрашивала директрисса, но и шустрая секретарша успевала вставлять каверзные вопросы. Карцев отвечал благодушно, но без особых подробностей. Вдруг Анна Григорьевна встрепенулась, узнав, что по образованию он не гидрогеолог, а геолог, окончил престижный МГРИ и первые четыре года после института работал в геологоразведочной экспедиции на Урале.

– Так это то, что нужно! – почти вскричала она. И видя недоумение Карцева, стала чуть торопливо пояснять.

Оказалось, что ее муж является руководителем областного филиала Гостехнадзора: серьезной организации, жестко контролирующей ход многих производственных работ, в том числе горнодобывающих и геологоразведочных. ("Так вот почему она назначена директором института, – невольно подумал Карцев"). Недавно правительством в структуре Гостехнадзора было решено усилить службу геологического контроля, для чего во всех филиалах ввели должность главного геолога, вольного набирать себе в помощь двух-трех рядовых геологов. И вот эта вакансия в Энском филиале пока не занята, так как, на взгляд ее мужа, не находится подходящего человека. Претендентов, впрочем, достаточно, ведь должность эта значительная и хлебная, но муж считает, что ее должен занимать человек, получивший действительно хорошее геологическое образование и при этом обладающий достаточно обширными знаниями в других науках и сферах производственной деятельности, успевший поработать на месторождениях, но еще не обросший мхом. То есть относительно молодой, обладающий ясным, критическим умом и умеющий быстро схватывать суть проблемы, энергичный, не обремененный кумовством и излишне дружескими связями в среде руководителей поднадзорных предприятий. Желательно также, чтобы это был человек воспитанный, уравновешенный, светский, проницательный, дипломатичный – и так далее. И уж, конечно, не имел прегрешений перед законом, антиобщественных поступков, дурных привычек....

Понятно, что по совокупности этих условий мало кто из соискателей показался годен. Точнее, пока никто.

– Но мне кажется, – заключила Анна Григорьевна, – что Вы, Сергей Андреевич, могли бы претендовать на эту должность.

Эти слова она подкрепила выразительным взглядом и даже легким стуком ладошки по столу.

– Анна Григорьевна! – попытался мягко урезонить ее Карцев, – мы ведь познакомились три часа назад...

– Ну и что? Вашу энергию, принципиальность, ответственность, разумность, образованность, воспитанность, наконец, я вполне оценила. Конечно, Вы молоды, но это как раз плюс. Все остальные обстоятельства – тоже.

– Однако Ваш муж может составить обо мне другое мнение.

– Ничего подобного. Я достаточно знаю своего мужа: его мнения о людях обычно близки моим.

Тем временем официантка, успевшая убрать со стола, принесла свежесваренный чай и вазу с маленькими сдобными булочками. Анна Григорьевна, попробовав на вкус булочку и пригубив чай, любезно поблагодарила ее и продолжила свою экспромт-атаку:

– О квартире в нашем городе можете не беспокоиться. На первые полгода-год Вам предоставят заежку или арендованную где-нибудь комнату. Затем Вы с женой получите нормальную квартиру из двух комнат в районах новостроек или даже в центре города – Гостехнадзор для этого достаточно влиятелен. И вообще на первых порах Вам будет предоставлен, что называется, режим наибольшего благоприятствования. Лишь бы Вы развернулись во всем диапазоне своих способностей, который у Вас, по-моему, достаточно широк.

Конечно, мою сегодняшнюю агитацию нельзя считать официальным приглашением на должность, – заключила она, – но Вы, поразмыслив, можете обратиться в Гостехнадзор в любой момент. Только не затягивайте с решением, потому что время не терпит.

– Ох, Анна Григорьевна, Вы меня смутили! Я уже стал привыкать к своей скромной, но, вроде бы, необходимой должности и к рутинной жизни в тихом городке – и вдруг Вы предлагаете мне перебираться из грязи в князи, на значительно более масштабную и ответственную работу... Честно признаться, страшновато! Тем более что волей-неволей по роли придется прищемлять хвосты многим китам горнодобывающей промышленности, а какова участь китовых обидчиков – понятно каждому.

– Сережа, это Вы по молодости сгущаете краски. Мы ведь не на капиталистическом Западе живем. К тому же Гостехнадзор – не шарашкина контора, а весьма авторитетная организация и своих сотрудников в обиду не дает. Впрочем, я не случайно в числе необходимых для этой работы качеств упомянула дипломатию – ее необходимо будет освоить. Помните ее основные принципы?

– М-м.... Разделяй и властвуй? Шаг вперед – два вбок? И еще, наверно, "Шерше ля фам"? – заулыбался Карцев.

– А что? – всерьез поддержала его шуточный тезис директрисса. – Именно через женщин дела, обычно, решаются наиболее эффективно!

– И Вы, Анна Григорьевна, тому яркий пример. Думаю, что если бы эту хлопотливую должность мне стал предлагать мужчина, я бы постарался открутиться под каким-нибудь благовидным предлогом – да и не очень бы в это предложение поверил, подозревая разные подводные камни и скрытые до поры интриги. Вам же я верю безоговорочно и почти готов согласиться. Но, конечно, должен обсудить все это с женой. Увы, она – та самая шея, что крутит моей головой. Например, с Урала, где я работал геологом в свое удовольствие, мы уехали по ее настоянию...

– Нисколько не возражаю и прошу об одном: в этом важном разговоре с ней будьте столь же убедительны, как были сегодня в моем кабинете.

Всю вторую половину дня Карцев находился под впечатлением этого неожиданного предложения. По долгу службы он посетил еще два подконтрольных, но вполне обыденных предприятия (шинный и ремонтный заводы), где ему никаких райских куш не посулили, а только пытались пререкаться по поводу технического и санитарного состояния собственных скважинных водозаборов и увиливать от подписания соответствующих актов. При этом язык Карцева долдонил одно, а в голове во взлетно-посадочном режиме сновали летучие аргументы за и против химеры А.Г.Пашкевич. И одним из аргументов против было его избыточное любопытство.

«Видела бы меня любезная Анна Григорьевна вчера, в ресторане или (свят, свят!) в спальне у Аллы!» – усмехнулся он. – Хотя... она, похоже, баба неглупая и верно знает, что в

каждом из нас сидит бес, более или менее сильный. Одни люди пытаются этого беса обуздать, держать в глубоко запрятанной клетке, откуда он, тем не менее, временами вырывается – и тогда уж со страшной силой... Другие, вроде меня, стараются с ним ладить, сделать почти ручным, привычным... Да и жить с ним в ладу веселее, интереснее, заскучать надолго он не дает. Вот только постоянно приходится проказы своего беса скрывать от окружающих: ведь не поймут, с праведным гневом осудят. А скрывать очень хлопотно...»

Под обвал праведного гнева Карцев уже не раз в жизни попадал. Он приходил обычно со стороны долготерпеливой жены, реже – оскорбленных мужей или соперников и лишь в единичных случаях – от женщин, подвергшихся его домогательствам: вероятно, в связи с их несвоевременностью или его постыдной неумелостью. Общественность не гневалась еще ни разу, ограничиваясь снисходительным порицанием.

«Но все это сходит с рук, – подумал Карцев, – пока являешься человеком толпы, безвестным персонажем. Стоит только попасть в элиту общества – а по логике путь, на который меня подталкивает милейшая Анна Григорьевна, должен неизбежно привести в круг весьма известных в области людей – как милым моему сердцу страстишкам придется сказать "прощай". Будучи на виду, проще простого "засветиться". С моей карьерой враз будет покончено, если ушлый журналист накропает статью про аморальный облик одного из руководителей производства, пытающегося совратить каждую мало-мальски привлекательную женщину где бы то ни было: в гостях, по дороге в гости, в ресторане, в служебном кабинете, или в купе поезда. И приведет свидетельства совращенных, увидевших меня по телевизору...»

На этом свои мрачные фантазии Карцев прервал, ибо вошел в гостиничный вестибюль.

Глава третья. Второй досужий вечер.

В номере Сергей Андреевич с облегчением узрел Сашку Хмельницкого, состроившего при входе начальника покаянную рожу, что ему не вполне удалось, так как за мгновение до того она явно была самодовольной. Тут же наличествовал и Егор Палыч, слегка поддатый и тоже самодовольный, что объяснялось просто: он, с единодушного благословения коллег, инспектировал сегодня водозаборы ликеро-водочного завода и мясокомбината (за что издавна брался с большим воодушевлением!) и в результате припер с одного полную сумку образцов алкогольной продукции, а с другого, соответственно, сумку разнообразных колбас. То есть явные взятки, которые и Хмельницкий и Карцев брать стеснялись. Пока?

– Ну что, господа инспектора, уже клюкаете? Без меня? – сымитировал праведный гнев начальник.

– Мы только продегустировали чуток, Андреич, – примирительно забасил Бутусов. – А ты что так задержался?

– Дела, конечно, задержали, Палыч. Но мне хотелось бы сейчас послушать, чем Вы, Александр Михайлович, объясните свой прогул? Или Вы что-то сегодня успели обследовать, и речь у нас пойдет не о прогуле, а всего лишь об опоздании на работу?

– Да нет, Сергей. Я только недавно от Татьяны вернулся...

– Это что ж, она и на работу не пошла?

– Нет...

Карцев взгляделся в лицо товарища и с благожелательной издевочкой заулыбался:

– Та-ак, с личика, вижу, Вы спали... Глазоньки ввалились, мешочки под ними голубенькие, носик заострился, на месте румянца – бледность аристократическая... Небось, и ножки подрагивают? Это сколько же ты к той курочке упитанной подходов сделал, чтобы так себя преобразить?

– Не помню, сбился... Может, пятнадцать...

– Угу. Чем же она тебя так воодушевила?

– О-о, Сергей, это такая женщина! Все при ней, ничего не стесняется и, говоря же, словечками своими мертвых может оживить...

– Ну, мертвых вряд ли, они же не слышат, – между прочим, заметил Карцев.

– И потом, – понизил голос почти до шепота Сашка, – она делала мне минет!

– Да ты что! – всплеснул руками Карцев. – Ай-яй-яй, до чего, наконец, русские бабенки дошли! Прямо как на диком Западе! Ну и, конечно, еще более диком Востоке!

– Тебе все смешки, Сергей. А мне как-то не по себе было...

– Что ж, картина ясна. В целом-то ты доволен?

– Не то слово. У меня такого секса еще не бывало. Даже с женой.

– Ох, Сашка, Сашка, ты неисправим, – рассмеялся Сергей. – И это хорошо. Вот давайте первый тост и поднимем за нашего почти Геракла. Только, Палыч, титруй дозы – завтра надо быть в хорошей форме...

Он выпил вместе со всеми и добавил:

– А мне, кстати, еще и сегодня, к ночи...

– Так ты снова к своей Алле пойдешь? – спросил бывший уже в курсе Хмельницкий.

– Не то, чтобы моей, но вчерашняя спевка ее, вроде, устроила и мне предложили еще порепетировать.

– И как она в постели? – с жадным интересом продолжил неугомонный Сашка. – Сколько ты подходов сделал?

– Мила. Даже очень. А что касается подходов, то я не их считаю, а женские оргазмы. Впрочем, и я в счете сбился...

– Ну, Сергей, ты даешь! Второй тост за тебя!

– Ладно, – пожал плечами Карцев, – хотя я хотел предложить за Палыча, который сегодняшний сабантуй организовал.

– А ты организовал вчерашний, – не сдавался Хмельницкий, – за который мы тебе благодарны! Правильно, Палыч?

– У вас неплохо получилось, – мрачновато признал Бутусов.

– У тебя тоже еще получится, – подбодрил Александр. – Какие твои годы?

В десять вечера все еще оживленное дружеское застолье было нарушено резким звоном дорожного будильника, который Карцев специально купил для командировок. Егор Павлович прервал очередную байку про себя и темпераментную комсомольскую инструкторшу, а Сашка встрепенулся как конь.

– Ну, Серега, пора тебе собираться, – чуть ли не хором сказали они.

Карцев с явным сожалением выбрался из уютного кресла, хрустнул, потянувшись, суставами и потряс отяжелевшей головой. Идти куда-то в ночь ему откровенно не хотелось, но... своим словом он еще дорожил.

– Чем бы запах алкогольный отбить? – спросил он в пространство.

– Чайными нифелями, – торопливо предложил Хмельницкий. – Или кофейными зернами.

– Чесноком... – хохотнул Бутусов, но тут же поправился: – Хорошо тыквенными семечками, да ведь их нет. Сойдут, наверно, и подсолнечные – у меня вот в кармане немного завалялось...

Карцев с отвращением пожевал нифеля и по настоянию Сашки еще и проглотил, затем пожевал семечки прямо с кожурой, но их выплюнул. В довершение, повинувшись собственной интуиции, съел пару лимонных долек и побрел в умывальник: чистить зубы, бриться и в целом освежиться. К половине одиннадцатого он выглядел вполне сносно и, напутствуемый фантастическими пожеланиями приятелей, шагнул за порог обжитого уютного номера.

Умиротворенный ласковым майским вечером, с проветрившейся головой, входил Карцев во двор знакомого дома на Красноармейской улице. Повторяя про себя наказ вчерашней любовницы (...если свет будет в одном окне, на кухне, то дочь уже уснула...), он взглянул на окна третьего этажа и чертыхнулся: все светились электричеством. Оглядевшись, он выбрал на пустынной детской площадке качели, расположенные как раз против наблюдаемых окон, и стал меланхолично покачиваться. Ожидание – весьма обычное занятие любовников. Он-то еще разместился с комфортом, а вот бедный Казанова (вспомнил легендарную биографию Карцев) как-то всю ночь мерз взаперти на темной лестнице, чтобы утром на ней же в спешке улагодворить жену ревнивого бюргера...

Между тем свет горел и горел.

– В случае чего подожду до двенадцати, – с затаенной надеждой стал рассчитывать Карцев, – а там с полным правом могу уйти...

Однако возможность отхода была тотчас пресечена погасанием света в одном из трех заветных окон.

– Видимо, дочь спать легла, – с неудовольствием констатировал горе-любовник. – Когда-то уснет? Через десять, двадцать, тридцать минут?

Верным ответом оказалось: пятнадцать.

Окончательно растоптав мысли о дезертирстве, Карцев встал с качелей и через минуту легонько пробарабанил пальцами по нужной двери. Тем не менее, он был услышан, в прихожей раздались легкие шаги, и в распахнутой двери обрисовалась фигурка Аллы все в том же халатике на голое тело. Войдя и не отрывая от полузнакомой женщины взгляда, Сергей приметил, как покорно опущены ее руки, как беззащитны тонкие ключицы в вырезе халатика и каким боязливым ожиданием наполнены ее глаза... Неподдельное нежное чувство затеплилось в его только что готовившейся к отступничеству душе. Неожиданно для самого себя он слегка присел, обхватил Аллу предплечьями под ягодицы, прижал, выпрямившись, теплое лоно к своей груди и понес драгоценную добычу к обжитой вчера кровати...

Спустя час раскинувшаяся на подушках напрочь изнеженная женщина попыталась что-то сказать, но осевший голос ей отказал. Лишь погода она все-таки спросила:

– Где ты всему этому научился?

– Книжки читаю, – проронил Карцев. И добавил зачем-то: – Мы с женой все это перепробовали.

– У тебя, наверное, много любовниц? – несколько повернула тему Алла.

– После женитьбы практически не было.

– Что значит "практически"?

– Ну, зажимал по углам то одну, то другую, да по-скорому пару раз перепихнулся...

– Как некрасиво вы, мужчины, иногда говорите: перепихнулся! А ведь те женщины, которые это тебе позволили, возможно, желали и испытывали счастье?

– Возможно, – закруглил тему Карцев.

– Значит, со мной у тебя по-особенному, почти как с женой? – не отступалась совратительница.

– С женой у меня почти никак, – опять ненужно соткровенничал прелюбодей.

– Она тебя разлюбила? – с благоговейным ужасом спросила Алла.

Тут Карцев на мгновение задумался: действительно, любит ли еще его Марина? Потом ответил:

– Вероятно, нелюбовь наша сейчас обоюдна.

– Так значит, никто тебя теперь не любит? – с нежным участием спросила Алла. – Кроме меня?

Не дождавшись ответа, она сползла с подушек в сторону Сергея и, прикинув к нему, стала мягко целовать его кожу на шее, плечах и груди, тихо приговаривая:

– Ах, ты мой бедненький, несчастненький, славненький! Все-то ты умеешь, а любовь потерял. Ничего, миленький, пока ты здесь, я буду тебя любить, буду холить и нежить, во всем слушаться, все тебе позволять... Что бы ты ни придумал, я всему буду рада! И я буду что-нибудь придумывать, чтобы угодить тебе. Буду тебя везде целовать, везде обглаживать...

«Эти поцелуй мне, что слону дробина», – с легкой усмешкой подумал Карцев. Однако его «молодец» так почему-то не посчитал и стал явственно крепнуть, а затем и рваться из рук неопытной искустельницы.

– А ты была замужем? – с усилием дыша, спросил Сергей, отнимая свое у Аллы.

– Нет, – сразу ответила она. – Моя Женечка, как говорится, плод любви. Очень короткой.

«Так я и понял», – подумал Карцев и сочувственно скривился. А вслух сказал:

– Может, оно и к лучшему, браки, как видишь, редко удаются...

После чего приступил к заключительной фазе амурных удовольствий...

Уже на улице он с горчинкой улыбнулся, предвидя будущие хлопоты с прирученной Аллой. Все-таки, он привык считать себя человеком ответственным.

Глава четвертая. Доля примацкая.

Вечером пятницы той же недели знакомая тройка, оживленно переговариваясь и улыбаясь, выгрузилась с полными сумками из рейсового автобуса на вокзале своего городка. Еще днем они рыскали по магазинам областного центра в поисках дефицитных продтоваров, а также игрушек для своих отпрысков и сувениров для жен, и вот, после четырех часов маеты в переполненном по случаю конца недели автобусе, прибыли домой.

– А как постранствуешь, воротисься домой – дым отечества нам сладок и приятен! – совершенно неожиданно для товарищей пробасил Егор Павлович. Карцев с Хмельницким обалдело переглянулись и согласно рассмеялись.

– Ну что, всем ведь в разные концы, – поставил точку в совместном путешествии Карцев. – Давайте, ребята, до понедельника!

К дому Сергей подходил с некоторым волнением: как-то встретит его жена? Теща и сынишка ясно как, а вот Марина...

Отпирая дверь, он услышал звонкий Вовкин голос (– Папка приехал!), затем его шлепающий бег и прямо на пороге подхватил на руки счастливого русоголового сорванца, внимая, как колотится сердце в его худеньком тельце, и ощутив, как в ответ ворохнулось свое. Внезапные слезы явились в глазах Карцева, он стал поспешно схлопывать их ресницами и, прижав теснее сынишку к груди, бодрым голосом спросил:

– Ну что, Вовка – божья коровка, уцелел без меня?

– Уцеле-ел! – басовито подтвердил сын. – Только я не божья коровка, а морковка...

– Не-ет, ты сегодня божья коровка, потому что сейчас полетишь на небко, – важно заверил его отец и стал подбрасывать хохочущего сынишку к потолку высокой сталинской квартиры.

В разгар веселья Карцев услышал тяжелые, неспешные шаги тещи и с сыном на руках обернулся ей навстречу.

– Как доехал, Сережа? – участливо спросила она, глядя холодноватыми, испытующими карими очами.

– Нормально, Маргарита Львовна, только тесно было, душно и дорога ужасно длинная, – дурашливо доложил зять. Теща невольно улыбнулась и, оттаивая, продолжила:

– Ты, наверно, проголодался, пойдем на кухню, я курицу потушила, как ты любишь, и еще сырники в сметане.

– Непременно. Только чтоб аппетит стал совсем зверским, постою немного под душем...

– Ох, дура я старая, конечно, с дороги-то...

– Папа, а можно мне с тобой под душ? – горячо вмешался Вовка.

– Что ты, – замахала руками теща, – ты и так лишнего пересидел, отца дожидаясь!

Тут дверь из большой комнаты открылась и на пороге показалась Марина – яркая, но уже грузноватая темная блондинка с энергичным, властным лицом. Мельком глянув на мужа и коротко ему кивнув, она сосредоточилась на сыне и сказала со всей строгостью:

– Довольно на сегодня капризов. Пора спать.

– Мама! А как же... Ведь я еще не видел, что папа мне привез!

– Завтра посмотришь. А то тебя с новыми игрушками до утра спать не уложишь!

– Вовчик, – как можно мягче подключился отец, – я действительно привез кое-что и оно будет твоим, но при одном условии...

– Каком?

– Если ты, проснувшись завтра, сумеешь его найти. А спрятать его я постараюсь хорошо. Только для этого мне нужно некоторое время. А также, конечно, чтобы ты уже спал и не подглядывал.

– Да-а, а вдруг я его не найду?

– Но ведь завтра суббота, в садик идти не надо. Так что времени для поисков у тебя будет предостаточно. В крайнем случае, мы сыграем с тобой в "горячо" и "холодно".

– А ты никуда не уйдешь?

– Что ты, я же только приехал!

О сделанном ему заманчивом предложении Карцев собирался рассказать жене и теще за ужином, однако Марина в кухне так и не появилась, заявив, что хочет досмотреть "Соломенную шляпку" – между прочим, двухсерийную и ранее ею виденную. Муж снес уже не первое косвенное оскорбление стоически, но соответствующая зарубка в его душе углубилась. Привычно лицемеря, он с юмором пересказывал Маргарите Львовне некоторые сценки из минувшей командировки и, не кривя душой, хвалил ее стряпню. А затем слушал отчет словоохотливой тещи, тоже склонной к юмору, о здешних событиях недели – в основном, конечно, связанных с Вовкой. Под конец своей продолжительной беседы они развеселились вовсю и расстались довольными друг другом – и теще пора была спать.

Из кухни Сергей прошел было в большую комнату, где обитали он, жена и сынишка, попытался, исправно сидя возле молчаливой жены, заинтересоваться происходящим на экране, но вскоре со вздохом встал (мысленно произнеся «Сколько можно смотреть этот раздутый пустяковый анекдот!») и, взяв с полки случайную книгу, вернулся на кухню. Раскрывши ее (оказалось: "Избранное" Паустовского), хотел читать, но не смог: в голове, как черви, копошились невысказанные и недодуманные мысли...

Он начал с главного: целесообразности его перехода в Гостехнадзор. Плюсы были понятны и их было много. Минусы? Опять случайное жилье, неуют, – но временно же? Проблемы с вживанием в специфический коллектив, – но мне позволят, кажется, набрать свой штат? Незнакомые дотолле функции – так ли, ведь ты и сейчас контролем занимаешься? Да и в гидрогеолога из геолога ты быстро превратился... Большая ответственность – пора привыкать, вырос ты из мальчишеского возраста. Наконец, новоявленные проблемы с Аллой? Но при твоей похотливости любовница рано или поздно и здесь образовалась бы...

Нет, есть что-то еще в его явном нежелании втягиваться в столь серьезную, судьбоносную деятельность. Он чувствовал, что для его индивидуальности это станет большой ошибкой. Как стало ошибкой поступление на работу в эту долбаную гидрогеологическую богадельню.

И то, что он вообще приехал сюда, бросив живую геологическую работу на Урале. А за кем? За Мариной, которая теперь нос от него воротит... Впрочем, еще и за сыном, Вовкой-морковкой...

Карцев окончательно пригорюнился. Сколько раз уже он собирался все бросить – и куцее свое чиновничество, и обуревающую в родных стенах Марину, и эти перенаселенные плодородные равнины – да и вернуться в клан геологов, на пустынные горные или степные ландшафты, но Вовка... Каково ему будет без меня? А как я буду жить без него? Нет, нет выхода.

Он прекратил бесполезное упорядочивание мыслей и, выключив свет, стал тупо вслушиваться в вечерние звуки: редящее гудение авто, возгласы проходящих под окном компаний, далекий гул рудовозного состава, шлепки капель в кухонную раковину, периодическое взрывывание старенького холодильника, бессвязное лopotание телевизора в дальней комнате, на котором и сосредоточился, ожидая возможности отправиться в постель.

Наконец звук телевизора прервался, и в коридоре послышались шаги жены.

«На водные процедуры» – определил Карцев, но свет в кухне вдруг включился, дверь открылась и в проеме возникла Марина.

– Я сегодня нездорова и спать с тобой мне будет жарко. Поэтому ложись на раскладушку, – безапелляционно заявила она, смерив его вызывающе-отталкивающим взглядом. И двинулась в ванную. Вот так.

Шевельнув желваками скул, Карцев в некотором недоумении («она ясновидящая, что ли?», – имея ввиду свои "столичные" похождения) побрел в спальню и стал раздраженно устанавливать редко использовавшуюся раскладушку. Не то, чтобы ему хотелось спать рядом с Мариной (и совершить неизбежный акт любви), но здесь налицо было пренебрежение супружескими канонами.

– А Сашка сейчас, наверняка, кроет свою супругу в хвост и в гриву, – вспомнил он недавнее признание Хмельницкого. Эта сцена вдруг ожила в его воображении, и он так явственно представил хорошо знакомое лицо Сашкиной жены, искаженное мукой сладострастия, что закрипел пружинами, ворочаясь с боку на бок и пытаясь унять некстати взбодрившееся «естество».

Глава пятая. В «богадельне».

В понедельник, около 8 утра Карцев, войдя на экспедиционный двор, невольно приостановился, встреченный густым запахом и розовато-белопенным облаком расцветших в его отсутствие яблонь и вишен, росших по всему периметру длинного одноэтажного здания, где и размещалась Энская гидрогеологическая экспедиция. Еще во дворе были гараж на несколько автомашин, ремонтная мастерская и полупустые склады. Центральная, задействованная часть двора была утрамбована колесами и ногами, но вся периферия усеяна железным ломом и различным хламом и густо заросла сорной травой. Раз в году, в Ленинский субботник, коллектив экспедиции пытался привести территорию двора в божеский вид, но дня на все не хватало, да и в течение года хлам продолжал накапливаться, так что мусорно-проволочно-сорняковый ландшафт двора почти не видоизменялся. Зато яблони и вишни поддерживались комендантом в образцовом состоянии и исправно, из года в год, плодоносили. Пользовались плодами все, кому не лень было их собирать. Густые кроны, конечно, сильно затеняли окна, но сотрудники, большую часть которых составляли женщины в годах, готовы были и днем работать при электричестве, лишь бы не трогать эту красоту.

– Что это ты столбом встал, Серега? – фамильярно охлопал его по плечам Павел Бродский, начальник режимной партии. – Давно шараги нашей не видел?

– Да вот запах меня остановил... Когда уезжал, они еще не расцвели, – нехотя пояснил Карцев, испытывавший инстинктивную неприязнь к этому неказистому человеку с бочонко-

видным телом, короткой шеей, круглыми глазами, жидкими прядями волос и откуда-то бравшимся большим самомнением.

– Красиво, что и говорить. Но сегодня нам будет не до красоты: начальство с профкомом квартиры станут делить. Ты ведь тоже претендуешь?

– Стою в очереди, но, понятно, не первым.

– Это неважно. На то и собираются, чтобы очередь перешерстить. Важно, что ты сейчас у начальства в фаворе.

– В каком-то фаворе? Нашему отделу еще и двух лет нет, он и по штату и по ассигнованиям самый хилый в экспедиции...

– Все это так, но есть один нюансик: если все прочие подразделения деньги только тратят, то вы их уже добываете. И во все большем масштабе. Впрочем, что я тебе толкую – ты же сам эту прибыль и организовал.

– Ну, тут все по закону: раз мы консультируем заказчиков и подрядчиков, то можем брать за это деньги. Кстати, весьма скромные.

– Однако что-то раньше они к нам косяком не шли – как теперь!

– Не шли, потому что не знали о нашем существовании. Пока мне не пришло в голову рассылать по всем мыслимым и немыслимым адресам письма.

– Вот и я об этом. Ну, бывай, встретимся за теннисом!

В комнате, где размещался отдел по контролю за истощением и загрязнением подземных вод, он застал кроме Хмельницкого и Бутусова еще и Лисину: полноватую женщину неопределенного возраста, недавно приписанную к их отделу в связи с частыми совместными командировками основных функционеров. Правда, ее рабочее место осталось, к всеобщему удовлетворению, в камеральной партии, среди женщин. Сюда же она перемещалась лишь на время отсутствия Карцева, убедившегося, что ей можно доверить работу с посетителями. Сейчас она собирала с его стола и ближайших окрестностей свои хохоряшки.

– Вы кстати здесь, Екатерина Дмитриевна, – обратился к ней Карцев после общих приветствий. – Расскажите мне, кто у нас за неделю побывал и что Вы с ними решили...

И они с головой углубились в ворох бумаг, карточек и официальных писем. Большею частью Карцев кивал с одобрительной миной, иногда морщился и крутил головой, а по одному делу явно остался недоволен.

– Этому бедняге Вы напрасно отказали. Он бог знает как добирался из своего глухого угла, собрав все мыслимые согласования, а Вы офутболили его легким движением ноги. Знаю, знаю, что у них старые, негодные скважины не затампонированы, но где они теперь, эти скважины? Правильно: под дамбой их нового пруда. Конечно, это явное нарушение, но о скважинах, пробуренных в 50-ых годах и вышедших из строя в 60-ых, они просто забыли. А теперь скажите: смогут ли они выполнить Ваше распоряжение о тампонаже этих скважин, прежде чем получить разрешение на бурение новых? Что, им для этого дамбу расковыривать? Да если на то пошло, их дамба прикрыла эти старые дырки, а с ними и столь ревностно охраняемый нами подземный водоносный горизонт, надежнее любого тампонажа. К тому же, зачастую, липового.

Хотите, я расскажу Вам, как дальше будет развиваться это дело? Поскольку они действительно остро нуждаются в создании подземного водозабора на летнем выгоне, то пробурят новые скважины без предварительного согласования с нами, – если уже не пробурили. Затем у того же бурмастера возьмут справку о тампонировании старых скважин и привезут ее сюда, пред наши светлы буркалы. Проверить подлинность справки мы, конечно, не сможем (смочь то можно, только каких это потребует затрат времени, сил и денег?) и будем вынуждены дать им искомое разрешение – зная, что дамбу они не трогали и ни черта не тампонировали! Так стоило ли гонять этого ходока туда-сюда?

– Вы что хотите говорите, Сергей Андреевич, – поджав губы, молвила Лисина, – но я не могла по-другому поступить. Притом выполняла Ваше же предписание.

– Э-эх! – махнул рукой Карцев. – Ладно, отдыхайте, Екатерина Дмитриевна...

Когда дверь за малосимпатичной сотрудницей закрылась, Карцев повернулся к коллегам и, преображаясь, с подъемом спросил:

– Ну что, господа-товарищи, отмякли в домашней обстановке?!

– Вполне, Андреич, – с готовностью прогудел Егор Павлович. – Добрался-таки я до жинки, на блядях раззадорившись!

– Да ну! – поощрительно удивился Карцев, – А она что?

– Поудивлялась, побрыкалась даже, но я ведь настырный – победил! Так она все выходные вокруг увивалась: то картошечкой жареной с грибочками солеными под водочку угощает, то по магазинам тащит за обновками для меня. Вот, видите, сорочка новая?

Сергей и Александр оглядели рубашку Бутусова, одобрили, а затем неугомонный Карцев обратился уже к Хмельницкому:

– А ты, Сашок, что молчишь? На тебе обновок вроде нет. Неужто жена тебя по приезде в контрольный таз посадила, а яйца-то и всплыли?

– Обижает, Сергей, – улыбнулся в усы Хмельницкий. – Встретила как всегда. Полная страсти. В результате я из дома почти не выходил. Только с сынишкой в парке погулял немного.

– Вот черти счастливые, – в порыве откровения подосадовал Карцев. – А моя ни с того, ни с сего больную стала изображать... Которую ни в коем случае нельзя трогать. Оно, может, и к лучшему – я с Алкой досыта на той неделе накувыркался – но все же обидно. И непонятно.

Тут они стали было обсуждать странное поведение карцевской жены, но дверь открылась и в комнату вошла секретарша начальника, Татьяна Петровна: статная, смуглая сорокалетняя женщина в густом ореоле черных волос, с черными же глазами и яркими, фигурно очерченными некрашенными губами. Она не спеша оглядела мужчин и, остановившись на Карцеве, с улыбкой пригласила пройти в кабинет главного гидрогеолога. От улыбки ее лицо буквально озарилось, так как за полными губами скрывались белейшие, на зависть ядреные зубы. «Признак великолепного здоровья, – машинально подумал Карцев. – Жаль, что она так редко улыбается, даже странно...».

Уже в коридоре, следуя за секретаршей, он в который раз отметил величавость ее походки, легкое, явно непредумышленное покачивание бедер, от которого у многих мужчин экспедиции начиналось шевеление в паху. Она всегда смотрела немного исподлобья, была молчалива и совершенно лишена кокетства, – но произвольно притягивала мужские взоры. Под прошлый Новый год, когда все немного сбрендил в ожидании любимого праздника, мужчины экспедиции (конечно, с подачи женщин) решили выявить "миссис Экспедицию", и многие женщины, не без некоторых оснований уже смаковавшие применительно к себе желанный титул, были уязвлены выбором этих дураков, отдавших предпочтение безъязыкой и безыскусной Татьяне Петровне. Карцев помнил, как в момент оглашения результатов голосования (при всеобщем застолье в актовом зале) Татьяна Петровна на миг преобразилась: высветилась ее бесподобная улыбка, зарделись щеки, просияли глубокие глаза и голова чуть горделиво откинулась назад...

– Прямо Тэсс из рода д*Эбервиллей, – пришло тогда на ум начитанному Карцеву. – Ох и глубок же омут у души этой женщины! Флирт с ней совершенно невозможен, – понял он. – Только искреннее, сильное чувство способно ее затронуть и всколыхнуть. Тогда и она может ответно потянуться, разгореться и вспыхнуть! Так что и сторишь, пожалуй – вместе с ней...

Впрочем, такая опасность Карцеву не грозила: Татьяна Петровна, в дополнение своих необычных качеств, явно обладала прекрасной интуицией и к женолюбивому Сергею Андреевичу относилась не более чем снисходительно.

В кабинете главного гидрогеолога, Ивана Соломоновича Шумяцкого, присутствовал (совершенно неожиданно для Карцева) и начальник экспедиции, товарищ Потапов: грузный, старый, но еще очень крепкий. Его имя и отчество Карцев до сих пор знал нетвердо, так как по работе с ним почти не сталкивался, а окружающие обычно называли его либо "хозяин", либо "начальник", либо "Потапов".

Весь его облик казался Карцеву сплошным анахронизмом: стриженная ежиком седая, без проплешин, голова, маленькие пронизательные глазки на мясистом красном лице, толстая багровая шея, длинные мощные волосатые короткопалые руки, грубый, прямо-таки громыхающий голос... В общем, глыба, "матерый человечище". По словам Бутусова, проработавшего у Потапова около двадцати лет, был он в свое время жутким бабником.

– Я думаю, он всех наших баб, которым сейчас за сорок, перепробовал, – делился с молодыми коллегами Егор Палыч. – Вызывал их к себе в кабинет вроде как по работе и раскладывал прямо на столе. Массой задавливал. И что характерно: все они предпочитали помалкивать. Я об этих делах по косвенным данным разузнал. Ну, были у него, конечно, и постоянные любовницы, то есть частые посетительницы его кабинета... Впрочем, из них сейчас работает, пожалуй, только Лидия Игнатьевна...

При этих словах Карцев недоверчиво воззрился на Палыча: Лидия Игнатьевна была самой милой, тишайшей, интеллигентной пожилой работницей в камеральной партии.

– Да, да, Сереженька, не лупай глазками. Была! – играл бровями Бутусов. – Ты тут без году неделя и ни черта еще не понял. Тут, брат, такие страсти кипели... И сейчас иногда пробукивают, хотя у большинства годы уже не те. Теперь вы вот на сцену выходите, вам и карты в руки...

– Ну, а Татьяну Петровну он пробовал забороть? – задал сокровенный вопрос Карцев. – Она ведь у вас лет десять работает?

– Вот здесь никто толком ничего не знает, хотя слухи разные ходят. Например, что пробовал, но она его поборола – то ли силой, то ли словом, то ли взглядом... А еще: что она его заморозила, подчинила своей воле... Ведь раньше секретарши у него не задерживались: или сами уходили, или он их увольнял, к чему-то придравшись.

Все эти рассказы на мгновение ожили в мозгу Карцева и тут же исчезли. Надо было собраться, стать хладнокровным, рассудительным.

– Ну, Сергей Андреич, как съездил в наш центрик, поделись успехами, – бодряческим тоном предложил обычно суховато деловой Шумяцкий. Карцев на секунду взгляделся в его бледное щекастое грушевидное лицо ("Как у Филипа Нуарэ", – давно определил он) и, задавив ненужную иронию, начал свой в меру пространственный отчет. Шумяцкий по ходу задавал вопросы, что-то требовал уточнить, Потапов же сидел молча, неподвижно, но его тяжеловесное внимание ощущалось Карцевым почти физически.

Наконец доклад был окончен. О предложении Анны Григорьевны Карцев, естественно, не обмолвился, но в продолжение всего разговора опасался, что именно оно стало причиной повышенного внимания к нему начальства, что они каким-то образом о нем узнали.

– Что ж, Сергей Андреич, – неожиданно пророкотал со своего кресла "хозяин", – ты со своей работой неплохо справляешься. И язык у тебя подвешен и грамотешка чувствуется. Надеюсь, в будущем ты и с другой работой справишься, поответственнее. Иди пока, продолжай работать.

– Что, черт подери, он имел в виду? – яростно вопрошал себя Карцев, устремляясь по длинному коридору. – Какую-то такую ответственную работу? И где? Все же разнюхал? И как мне теперь поступить?

Минуя свой отдел, он вышел во двор и уселся на давно облюбованный чурбак, под цветущую вишню. Густой аромат обволокло его и стал мягко убаюкивать. Незаметно все беспокоя-

ство в нем улеглось, наступила ясность, осознание необходимости "держать паузу". А запах все лился и лился в его жадные ноздри, кружил голову...

«Будет ласковый дождь, – зазвучал в нем пафос Бредбери, – будет запах земли, щебет юрких стрижей от зари до зари, и ночные рулады лягушек в прудах, и цветение слив в белопенных садах...»

Блаженно улыбаясь, он вышел из-под чудесной кроны и двинулся исполнять свой долг.

К обеденному перерыву все работники отдела контроля были в запарке. Такого нашествия "ходоков" к ним еще не было. Они сидели у каждого стола и у порога, ожидая своей очереди, а в двери просовывали головы все новые люди с искательным выражением лица.

«Ох, тяжелый день, понедельник!» – читалось в глазах и хозяев и посетителей.

«Черт бы подрал твою инициативность, Серега!» – читалось через время дополнительно на лицах Бутусова и Хмельницкого.

«А премии вы, ребята, уже полюбили получать?» – хотелось ответить на их немые проклятья Карцеву, но, конечно, было не до того: на место одного благодарного (или огорошенного) посетителя уже мостился другой. Все они приходили с объемистыми портфелями, в которых недвусмысленно позвякивало и побулькивало, а при доставании бумаг и проглядывало, но в этом отношении Карцев оставался тверд:

– Если мы, в самом деле, хотим изменить отношение людей к земле, на которой они живут, и к воде, которой пока бездумно пользуются, – как-то сказал он своим помощникам, – то не должны позволить себя скомпрометировать. Тем более на своей территории, в экспедиции. Поэтому никаких взяток: ни в денежной, ни в натуральной, то бишь алкогольной форме!

Впрочем, как мы знаем, на выездах жесткость этого правила несколько смягчалась. Тонкость тут была в том, что роли при этом как бы менялись: они, конечно, были инспекторами, но все же почти в гостях у проверяемых и потому своим отказом рисковали оскорбить исконное русское хлебосольство...

Итак, они были по уши в работе, когда в дверь заглянул зычноголосый Бродский:

– Все, все, товарищи, пора дать контролерам пообедать. Идите пока погуляйте по нашему саду, полежите на травке, можете сыграть с нашими шоферами в домино... Вернетесь через час.

И он решительно открыл нараспашку дверь, приглашая посетителей на выход. Те растерянно подняли взгляды к инспекторам и, не найдя в них сочувствия, потянулись в коридор и далее, на улицу.

– Как я их, а?! – молодежато захохотал Бродский. – А где ваша благодарность? – продолжил он с намеком.

– Ты ведь знаешь, мы не берем, – угрюмовато напомнил Карцев.

– Ну и дураки.... Это я так, шутю. Пошли что ли, мы с Вовкой вас разок, другой дернем? А Егор Палыч вам утешительный фуршет пока организует?

– Пошли, глупый маленький мышонок, – плотоядно осклабился Карцев. – Попробуй изнасиловать тетю кошку...

Теннисный стол был установлен во все том же актовом зале. Соответственно, ряды сколоченных стульев громоздились трибуной на президиумной сцене. Все шторы на многочисленных окнах были разгорожены, но рамы закрыты во избежание вылета мятущегося шарика. За столом неумело, но старательно тыркали ракетками две раздумявшиеся молодухи.

– Стоп! – властно вмешался Бродский. – Делу – время, потехе – час. Уступите место профессионалам. Обещаю, что минут десять-пятнадцать перед концом обеда у вас будет.

И, оборотившись к соперникам, спросил:

– Разыгрывать место будем?

– Ну, зачем? – снисходительно молвил Карцев, – разница невелика, вставайте, где хотите...

И стал присматриваться на свет к матовой поверхности своей вьетнамской ракетки в поисках малейших следов загрязнения.

При розыгрыше подачи начинать выпало им. Первую серию, как всегда, подавал Хмельницкий. На приеме был Владимир Величко – пожалуй, самый хитроумный защитник экспедиции. В паре с Бродским Карцев еще его не видел, так как у обоих были постоянные партнеры, сегодня оказавшиеся в нетях.

Сашка не подвел: подкрутил шарик очень резко, почти с обратным отскоком, и Величко ничего не оставалось, как аккуратно его перекинуть – правда, все-таки вбок. Молнией бросился к шарикау Карцев и хлестанул по диагонали, неотразимо... Второй розыгрыш был копией первого. Два – ноль.

Но третья подача ушла в сетку, а четвертая получилась слабее первых двух, и Величко вернул шарик со встречной подкруткой. Пришлось втянуться в крученые перепасовки, в которых терпения оказалось больше у противников. Впрочем, пятую подачу Хмельницкий с Карцевым выиграли. Три – два.

Теперь начинал Величко, а Хмельницкий принимал. Коронкой Владимира были слабенькие, дохлые подачи, которые ни пробить, ни раскрутить было невозможно, но рослый Александр обходился с ними удивительно трепетно и возвращал еще более дохлыми. Низковатый Бродский дотягивался до них с трудом и в результате накидывал все-таки под удар молниеносному Карцеву. Семь – три в пользу контролеров.

Карцев посылал каждый шарик по-особому: то стремительным накатом, то с резкой закруткой влево или вправо, то дохлый, то с выпендренной свечкой. Бродский, знавший все его выверты, тем не менее на мгновенье терялся и отправлял шарик в сетку или за стол. Однако и Карцев при подачах ошибся, даже дважды. Десять – пять.

Бродский подавал однотипно, резкими выстрелами на угол, нарушая при этом правила, запрещавшие подачу с руки. Все давно бросили с ним бороться, так как он упреков не признавал и лез скандалить. Впрочем, этот "выстрел" мог быть парирован встречным выстрелом – что Карцев довольно успешно и проделывал. Но Величко, предвидевший это и заранее отошедший от стола, принимал его встречные выстрелы отменными закрутками, которые Хмельницкий сначала бил, промахиваясь, потом стал раскручивать, но не столь качественно, и тут на шарик уже коршуном налетал Бродский, смачно расстреливая Карцева. Десять – десять.

Так, раскачивая маятник счета, они добрались до двадцать – двадцать. Предстояло играть больше – меньше. подача Хмельницкого получилась безукоризненной и бросок Карцева – тоже. Все должно было решиться на подаче Бродского. Памятуя о его "выстрелах" и печальных итогах последующих перепасовок, Карцев решил использовать рискованный, редкий прием, подсмотренный им как-то во время телетрансляции у великого Секретэна, и заранее отошел от стола. Если бы Бродский догадался сейчас применить дохлую подачу, Сергей, скорее всего, к ней бы не успел. Но тот, как и ожидалось, выстрелил. Шарик резко отскочил от угла стола и настильно полетел к полу, все же замедляясь. Метрах в полутора от стола и в полуметре от пола его и встретил Карцев – почти перпендикулярным траектории полета скользящим движением ракетки. Шарик взвился по крутой высокой дуге, ударился о поверхность стола и вместо того, чтобы отскочить на готового ударить Величко, резко ушел влево от него. Володя все же ударил, но провалился мимо шарика. Эффектная концовка! Зрители зааплодировали, Величко поблел, а Бродский покраснел и тут же заорал:

– Реванш, реванш! Мы все равно вас уделаем!

Хмельницкий с Карцевым переглянулись и жизнерадостно заржали.

Глава шестая. Катастрофа.

Против ожидания к семнадцати часам все дела с "ходаками" были улажены и контролеры смогли удовлетворенно размять затекшие спины и плечи. И тут в дверь залетел взбудораженный Бродский.

– Так, Серега, с тебя ба-альшой магарыч! Прыгай, пляши, пой – ты теперь с квартирой!

– Не понял, – недоверчиво воззрился на него Карцев, – передо мной же были Попов и Белошейкина?

– Попова переместили на две очереди вниз, за факт пьянства на рабочем месте, а у Белошейкиной, оказывается, бабка недавно умерла и теперь ей претендовать на расширение не положено: метража-то стало излишки! Она пыталась это скрыть, но бабы в профкоме ушлые, все разузнали.

– Слушай, но ведь Петька Попов с семьей угол снимает, как можно было его лишать?

– Как, как, – а вот так! Надо было – и лишили...

– Что значит надо? Кому надо?

– Ну, ты совсем-то дураком не прикидывайся! Кому... Тебе, родной, тебе! Вот благодетели твои, начальнички добренькие и расстарались.

– Да я знать об этом ничего не знаю... – вконец опешил Сергей Андреевич.

– Ага, и ведать не ведаю. А кто сегодня у начальства в кабинетах отирался? Не ты ли, друг любезный?

– Что ты мне лепишь?! – вдруг рассвирепел Карцев. – Что шьешь? Я в жизни подачек не выпрашивал! Тем более за чей-то счет!

И он резко вышел из комнаты, хлопнув дверью. В коридоре он постоял в растерянности, но затем решительно направился в кабинет Шумяцкого.

– У себя? – спросил он хмуро у встрепенувшейся на его громкие шаги Татьяны Петровны.

– Да-а, – ответила та, сделав движение навстречу как бы в попытке заступить ему дорогу, но осталась на месте. Карцев вошел в кабинет.

– Что тебе, Сергей Андреич? – обычным суховатым тоном спросил главный гидрогеолог.

– Вы ведь были сегодня на профкоме, Иван Соломонович? – с заметным вызовом в голосе начал Карцев. И после утвердительного ответа продолжил:

– Как получилось, что квартиру распределили мне, а не Попову? Или это всего лишь треп Бродского?

Шумяцкий спокойно посмотрел взбудораженному подчиненному в глаза и негромко спросил:

– А ты что, недоволен, Сергей Андреич?

И не дождавшись ответа, продолжил:

– Это было совместное решение администрации и профсоюза. Совершенно законное. В нашем колдоговоре есть пункт, по которому нарушители трудовой дисциплины наказываются, так или иначе. В том числе они могут быть передвинуты в очереди на квартиру. А Попов нарушал дисциплину, будучи неоднократно замечен в употреблении алкоголя в гараже.

– Ох, Иван Соломонович! Да все шофера в этом гараже выпивают при малейшем удобном случае, и Вы это отлично знаете. Зато на выездах надежнее Попова у нас никого нет. Это я знаю! Да и все, кто с ним работал. Петька из кожи вылезет, а машину вытащит из любой колдобины. Впрочем, прежде всего он в нее и не попадет: водила от бога! Так вот, повторяю: нельзя так сокрушительно наказывать за ерунду классного водителя и хорошего человека. Вы ведь, наверно, знаете, что он с женой и детьми живет на квартире у частника?

– Знаю. А тебе как живется, Сергей Андреевич, в примаках у тещи?

– Вполне сносно, Иван Соломонович. В последнее время я с тещей лажу даже лучше, чем с женой.

– Да-а? – позволил себе шутейно двусмысленную интонацию Шумяцкий. – Это отраднo. И все-таки, что ты предлагаешь?

– Отменить принятое решение и отдать квартиру Попову. Я подожду следующего распределения, тем более что в последние годы строят в нашем городе много и быстро.

– Нет, извини. Решение принято и на попятный ни администрация, ни профком пойти не вправе.

– Но должен быть какой-то выход! Я со стыда буду сгорать всякий раз, встречаясь с Поповым, а тем более работая совместно с ним в командировках...

– Что ж, мы можем его уволить. За то же пьянство.

– Да Вы что, Иван Соломонович! – вскричал Карцев. – Не шутите так!

Тут его осенило.

– Я думаю, что вправе написать в профком заявление об отказе от этой квартиры. Хотя очередь терять, конечно, не хотелось бы.

– Думаю, что можешь, – задумчиво протянул Шумяцкий, разглядывая Карцева из-под полуопущенных век. – И отказ примут. Но все же мой тебе совет: не пори горячку и обсуди все с женой. И с тещей. Сегодня же. А завтра приходи с готовым решением. И думайте хорошенько, не впопыхах. Бывай.

Конечно, обсуждать судьбу неожиданной квартиры с женой и тем более с тещей Карцев не собирался, так как для него было приемлемо лишь одно решение: безоговорочный отказ в пользу Попова. Правда, у тещи в экспедиции была своя агентура и через нее она достаточно быстро о его поступке будет проинформирована. Но, узнав Маргариту Львовну уже достаточно близко, Карцев не сомневался, что особо бузить она не будет, хотя его блажь и не одобрит. Вот Марина может закатить ему скандал, да еще какой... Но и она, верил Карцев, в конце концов, смирится – как смирялась до сих пор со всеми его выходками: и благонамеренными и не очень. К тому же им светит более удачный вариант будущей жизни: в Энске...

«Вот его мы сегодня с ней и обсудим», – решил Сергей.

Однако дома Марины почему-то не оказалось.

– Еще не приходила с работы, – сообщила немного смущенная Маргарита Львовна.

– А звонила, что задержится? – Тоже нет.

«Что, черт подери, в их долбаном НИИ могло случиться?» – хмуро запереживал Карцев. Но на нем уже повис Вовка, с которым они в скором времени занялись устройством пещеры из стульев, табуретов и одеял.

С трудом уложив его часам к десяти спать, Карцев добрался до телефона и стал названивать: сначала на вахту в НИИ (где ему сообщили, что все давно разошлись, сдав ключи от комнат), затем по Маринкиным подругам (у них она тоже не появлялась), затем уж и на станцию "Скорой помощи" (такую не подбирали и вообще сегодня ездили только по домашним вызовам). Теща почему-то участия в розысках не принимала, закрывшись у себя в комнате.

«Куда бы еще позвонить? – запаниковал Сергей. – В милицию? Глупость! А больше, вроде, некуда...»

Он встал от телефона, пошатался по комнате, прихожей и кухне, затем, не в силах терпеть, вышел на улицу и стал нарезать круги вокруг дома, иногда заходя в квартиру: вдруг пропустил?

Было совсем темно, когда она подошла-таки к подъезду, от которого Карцев уже не отлучался. Даже при тусклом свете приподъездной лампочки было заметно, что Марина изрядно выпивши.

– Ты где была? – с едва сдерживаемой яростью глухо спросил Карцев. В ответ жена, не сказав ни слова, вознамерилась пройти мимо, в подъезд.

– Нет, стой! – перехватил ее взбешенный муж. – Значит, шлялась до ночи, пьянствовала с каким-то хреном, а теперь, как ни в чем не бывало, домой? Отвечай сейчас же!

Но Марина упорно молчала, непроницаемо глядя перед собой и настойчиво вывертываясь из его пальцев. Так они боролись с минуту, наконец, она дерзко подняла к нему глаза и, кривя губы, сказала:

– Отпусти, ненавистный!

У Карцева вмиг похолодело в груди, колени подогнулись и руки разжались. Боясь упасть, он сел на скамейку и какое-то время не дышал. Мир вокруг потерял реальные черты, расплылся, заколыхался... Даже обычные звуки куда-то исчезли и слышен был лишь звон в ушах. А в странном образом опустевшем черепе беспорядочно билась о стенки единственная мысль:

– Вот и все... вот и все... вот и все...

Наконец зрение сфокусировалось, и он долго смотрел на кусочек выщербленного асфальта у себя под ногами, остывая душой и возвращая способность к трезвому мышлению...

Небо стало понемногу светлеть на востоке, когда Карцев смог вернуться в так и не ставший своим дом и лег на скрипучую раскладушку, вблизи от уже далекой, чужой женщины.

Когда наутро он появился на работе, пытаясь быть бесстрастным, и Сашка и Егор Палыч всполошились.

– Что случилось, Сергей? – в лоб спросил Хмельницкий. – Поссорился с женой? Из-за квартиры?

– Может, не стоило быть таким принципиальным? – добавил Бутусов.

Карцев тускло взглянул на коллег и слабо улыбнулся в ответ на их неподдельное участие.

– Нет, ребята, – сказал он вопреки принятому было решению ни о чем до времени не распространяться, – все гораздо хуже: жена мне изменила, и я отсюда уезжаю.

Последовала немая сцена, хотя и менее долгая, чем в "Ревизоре".

– Когда? Куда? Это точно? Как ты об этом узнал? – посыпались беспорядочные вопросы друзей.

– Узнал вчера, – стал последовательно отвечать Карцев, – хотя заподозревал раньше. Мириться не могу и не хочу. Да и она, вроде, не хочет. Поеду сейчас в Москву, а оттуда, наверное, в Сибирь, к своим студенческим товарищам. Вот только, – обратился он к Хмельницкому, – мне нужно будет пожить где-то несколько дней, пока оформлю документы на выписку и снятие с учета в военкомате.

– О чем разговор, Сергей! – затряс головой Хмельницкий. – Мы с женой будем рады. Андрюшкину кровать переставим к себе, а ты будешь жить в его комнате – сколько надо.

Тут он прервался на мгновенье и начал снова:

– Но все-таки, может, передумаешь? Возьми квартиру, что тебе распределили, и живи в ней. А там, глядишь, с женой все уладится... Или другую найдешь – с твоими-то способностями...

– Нет, Саша, не получится. Я ни видеть ее не могу, ни слышать о ней. А мы, ведь, не в Москве живем и даже не в Энске. Здесь все на виду и на слуху. Да и квартиру эту мне теперь никто не даст – как той Белошейкиной...

Все опять помолчали и от этого молчания в комнате будто стало холодно и неуютно.

– Как же мы тут без тебя будем, Сергей? – вполголоса спросил Хмельницкий. – Без тебя станет скучно. И работа начнет разваливаться, которую ты так круто развернул. Мы ведь были у тебя на подхвате...

– Насчет работы ты зря, Саша, – так же тихо возразил Карцев. – Вы в курсе всех дел, я от вас ничего не скрывал. Да и Иван Соломоныч всегда подскажет, если что пойдет не так. Он же и кадров новых вам подбросит. Женского пола...

Тут он слегка улыбнулся и продолжил:

– Смотрите, не продешевите, просите помоложе да покрасивее – глядишь, в командировки рваться с ними будете!

При этих словах невольно заулыбались и коллеги, но, чуть подумав, с такой перспективой не согласились:

– Нет, Сергей, ничего хорошего из этого не получится, – качнул головой Хмельницкий. – А получатся ненужные проблемы...

– В Тулу со своим самоваром не ездят, – веско поддержал его Бутусов.

– Ну и привереды вы, товарищи дорогие! – развел руками Карцев. – Как это я с вами уживался?

– Ну, что надумал, Сергей Андреевич? – ровно спросил Шумяцкий, глядя на хмурю физиономию вошедшего в кабинет Карцева.

– Вот что, – коротко ответил тот и положил на стол свое заявление.

Шумяцкий глянул вскользь и замер, вчитываясь вновь. Его внушительные щеки заметно порозовели.

– Ничего не понял, – сказал он, воззрившись на Карцева во всю ширь своих библейских очей. – Почему? Из-за этой злосчастной квартиры?

– Нет, Иван Соломонович, это из-за кризиса в отношениях с женой. Я больше ее не устраиваю, о чем и узнал вчера доподлинно.

Шумяцкий помолчал, теребя пальцами губу, и вновь посмотрел на Карцева:

– В положение ты попал тяжелое. Но стоит ли из-за этого увольняться? Поверь, у нас с Николаем Александровичем достаточно влияния в горисполкоме для того, чтобы в исключительных случаях добиться для своего сотрудника комнаты в приличном общежитии, например при НИИ, а может быть, и однокомнатной квартиры в новостройках.

Тут, видя, что Карцев собирается возразить, он предупредительно поднял руку:

– Пока не перебивай, Сергей Андреич. Садись. Я тебе раньше дифирамбов не говорил, а теперь скажу...

Ты знаешь, что по долгу службы я отслеживаю деятельность всех специалистов экспедиции, а тем более ведущих. И надо сказать, с особым удовлетворением наблюдаю за твоей. За полтора года работы у нас ты прогрессируешь стремительнее кого-либо, с кем я сотрудничал за свои двадцать пять лет работы в гидрогеологии. Хотя ты начинал с нуля, почти ничего не зная о нашей специфике. Все у тебя ладится, спорится, разворачивается, на всех потребителей воды в области твой отдел успел наложить лапу – или почти на всех. Благодаря тебе я перестал беспокоиться по поводу состояния контроля за охраной подземных вод. Поэтому твое увольнение и для экспедиции и для меня крайне нежелательно.

В этом месте своего панегирика Иван Соломонович притормозил, испытующе глянул на невозмутимого Карцева и решил продолжить:

– Скажу тебе больше, Сергей Андреич, но прошу пока эту информацию не разглашать. В скором времени Николай Александрович уйдет на пенсию. Это решено уже на всех уровнях, ждем лишь приказа из министерства. Его должность предложено занять мне. Соответственно, место главного гидрогеолога станет вакантно. Кто займет его, пока неясно, так как кандидатуру тоже должны утверждать в министерстве. От нас лишь потребовали назвать своего претендента, из штата экспедиции. И мы с Николаем Александровичем предложили тебя. Поверь, далеко не сразу. Много факторов не в твою пользу: нет специального образования, небольшой стаж работы вообще и в нашей экспедиции в частности, нет членства в партии, нет связей в министерстве и т. д. Но мы решили, что все это может быть тобой достаточно быстро преодолено. А главное – деловая хватка, понимание проблем и путей их преодоления, ответственность – у тебя есть. Ну, и я буду не на Луне, поддержу. Во всяком случае, рядом с собой я хотел бы видеть именно тебя.

Наступила пауза, прервать которую должен был Карцев, который сидел молча и тихо барабанил по столу пальцами. Наконец он поднял голову и, лишь на мгновение встретившись взглядом с Шумяцким, отвел глаза в сторону.

– Должен сказать, Иван Соломонович, что в эту поездку в Энске мне тоже предложили заманчивую должность: стать главным геологом в местном филиале Гостехнадзора. С представлением квартиры в короткий срок.

Тут он вновь мельком поймал взгляд Шумяцкого, чтобы удостовериться в соответствующей реакции, и продолжил:

– Я все эти дни не знал, на что решиться: то ли переехать в Энск, то ли остаться здесь. Но жена своим поступком перечеркнула оба варианта: без жизни в кругу семьи меня ни та, ни другая работа не устраивают. Почему, спросите Вы? Потому, что такого рода деятельность – учет, контроль, разборки с хозяйственниками – мне все же не по сердцу. Да, у меня кое-что на этом поприще получилось, так как я считаю, что любую работу, на которую сам напросился, надо делать как можно лучше.

Но два года назад, на Урале, моя геологическая деятельность была все же успешнее и, главное, давала мне неизмеримо большее удовлетворение. Что ни говори, без соответствующего образования в гидрогеологии я – дилетант, а в геологии почти сразу после института стал ощущать себя профессионалом. И еще: тогда во мне проклюнулся азарт кладоискателя, рудознатца и он, пропадая в туне, все это время подсознательно зудел и зудел. Теперь же я чувствую себя одновременно и тяжело и легко: наподобие правоверного заключенного, амнистированного по случаю смерти духовного лидера. Я опустошен, но свободен и хочу воспользоваться своей свободой так, как подсказывают мне сердце и творческий инстинкт. В общем, я решил уехать в Сибирь, к своим одноклассникам и вновь заняться геологией, в чем они, я надеюсь, мне поспособствуют.

Завершив эту речь, Карцев впервые открыто взглянул в лицо патрона. Тот смотрел с явным сожалением и уже чуть отстраненно. Потом заговорил:

– Все время забываю о нашей разнице в годах. Ведь ты еще очень молод. Поэтому советы человека умудренного тебе, привыкшему поступать по сердцу, воспринять сложно. Все же я попытаюсь.

Я уверен, что если ты сейчас здесь останешься, то через полгода или год твоя жизнь вернется в свою колею: то есть к жене и сыну. Хотя ты, как мне известно, и ловелас, но в тебе есть тяга к стабильности. Ну, а страсти-мордасти... Мы все через них прошли и, как видишь, остались живы. В лоне той же семьи... Если же ты уедешь, то, скорее всего, будешь там чахнуть и сохнуть по оставшейся здесь семье. Независимо от того, насколько успешно будет развиваться твоя геологическая карьера. Кстати, тридцать лет, конечно, немного, но при начале карьеры с нуля запаздывание в семь-восемь лет долго будет тобой ощущаться. И если коллектив, куда ты вольешься, окажется достаточно сильным по составу, то я тебе не завидую. В общем, прошу об одном: подумай еще немного, хотя бы до конца дня. Взвесь все "за" и "против". Ведь от этого поворота зависит вся твоя дальнейшая жизнь.

– Хорошо, Иван Соломонович, – смиренно проговорил Карцев. – Я подумаю еще.

Часть вторая. Романтическая жизнь

Глава первая. Внедрение через внедрение.

В начале июня того же года, в полдень, Сергей Андреевич Карцев вышел из рейсового автобуса на окраине старинного казачьего села Криволучья, расположенного в тридцати километрах от М-ска, одного из центров Сибири. Еще три часа назад он был в воздухе, на подлете к аэропорту М-ска, и вот, наведя справки, прибыл в район производственно-жилой базы мест-

ной геологосъемочной экспедиции, в которой работали его студенческие товарищи: Володя Карпенко и Витя Степанов.

Чуть изогнувшись под весом дорожной сумки, он медленно шел по улице, застроенной однотипными коттеджами на две семьи, перед которыми были ограждены символические палисадники, но "за" вырисовывались более значимые огороды. Улица была совершенно пуста, лишь на огородах кое-кто копошился.

– Извините! – решился, наконец, на вопросительный оклик Карцев. – Вы не подскажете, где живет Володя Карпенко?!

Смутная женская фигура в сарафане разогнулась от грядки и направилась в его сторону.

– Так его сейчас в поселке нет, он уехал на полевые работы, – пояснила еще на подходе женщина, оказавшаяся молодой, полноватой, но не толстой, с простым, типично русским лицом. Вдруг, взглядевшись в Карцева, она всплеснула руками и почти вскрикнула:

– Сережа, так это ты!!

– Маша? – неуверенно заулыбался Карцев. – Степанова?

– Конечно, я! Ты не тушуйся, меня многие, кто давно не видел, сразу не признают. Это я после вторых родов так располнела...

Действительно, в этой брызжущей здоровьем и довольством женщине трудно было узнать худенькую, беленькую девочку Машу, которую хитрюга Степанов выглядел где-то у себя в родной глуши и привез в конце пятого курса в Москву – играть свадьбу в кругу однокашников. Так у них тогда было принято: напоказ.

– Ты, случайно, не в отпуск к нам приехал? – радушно предположила Маша.

– Нет, Машенька, – мотнул головой старый знакомец. – Хотелось бы рядом с вами пожить. И вместе поработать...

– Вон оно что... – переменялась лицом Витькина жена. – С Мариной не поладили?

– Да, Машенька, – открыто признал свое фиаско бывший лидер общежитской десятки, о котором Мария успела в ту краткую пору знакомства составить свое пристрастное мнение.

– Что ж мы тут стоим, – спохватилась хозяйка, – пойдем в дом. Виктор приедет с работы, из города, вечером. А мы с тобой пока пельмени постряпаем да переговорим толком...

Когда Виктор Степанов, привычно сокращая путь от автобуса до дома, шел через соседний огород, он вдруг увидел на собственном участке какого-то молодого мужика, который прятался за сарайчиком, осторожно выглядывая в сторону веранды. Виктор невольно замедлил шаги, насупился и стал озираться в поисках надежного дрына – хоть и сознавал нелепицу ситуации. В этот момент из-за веранды, крадучись, появился его пятилетний сын Пашка с автоматиком в кулачках. Он медленно, по-отцовски, поводил из стороны в сторону круглой белобрысой головой, пытаясь кого-то обнаружить. Виктор глянул на мужика: тот вжался в стенку сарая и не дышал. Тут что-то знакомое почудилось Виктору в его фигуре и манере держаться... Между тем он уже открывал калитку, и Пашка, увидев отца, стремглав бросился навстречу:

– Папа, а к нам дядя Сережа приехал! Мы сейчас с ним в войну играем!

Тотчас из-за сарая вышел Карцев, сдержанно улыбаясь и крутя в руках рогульку, обозначавшую, видимо, пистолет.

– К-картина Репина "Не ждали"? – с заиканием пошутил он, отбросил рогульку и обнял округлившего глаза однокашника, похлопывая его по спине. Тот, наконец, тоже заулыбался:

– Какими судьбами?!

– Ветер оказался попутным, Витя – в тот момент, когда мои корни обломились. Полет и приземление проходили нормально, а вот пуцу ли я корни здесь, зависит, видимо, от тебя.

И Карцев в упор посмотрел в глаза приятелю, с которым немало было говорено, выпито, прогулено – словом, пережито. Низковатый плотненький Виктор выдержал взгляд, не дрогнув, и ответил, как положено:

– Чем можем – поможем, какой разговор. Ты без семьи, с вещами?

Уже в начале ночи, лежа без сна на предоставленном ему диване, Карцев глядел на лунный квадрат на полу, вспоминая эпизоды из далекой студенческой жизни, тогдашнего Виктора, других ребят и светло, покойно улыбался...

Назавтра, однако, начались сложности. Дело в том, что Карцев немного припоздал: все геологические партии успели выехать на полевые работы – в тайгу, горы, тундру и степи (вперемешку с колхозными полями). В экспедиции кантовались административные работники, вспомогательный персонал да те несчастные геологи (Виктор оказался в их числе), которых оставили на оформление отчетов или текущую камеральную обработку материалов.

Почему несчастные? Да потому, что они лишились многих ежегодных вожеланий: новой геологической информации, ярких впечатлений на лоне природы, отличного тренинга, крупной суммы доплат на «полевое довольствие», обильных заготовок лесных ягод (брусники, черники, голубики, смородины черной и красной, жимолости, клюквы, морошки, рябины...), грибов, орехов, рыбы, иногда и пушнины.... Всего вдоволь в геологическом поле!

Есть там, впрочем, и комары и мошка, жара и холод, дождь и снег, буреломы и кручи, болота и бурные реки, медведи и волки, змеи и энцефалитные клещи, падающие вертолеты, переворачивающиеся машины и тонущие лодки, лесные пожары и ужасающие грозы, изнурительные маршруты с утра до поздней ночи и дурацкие недельные сидения в палатках в ожидании погоды или вертолета – и еще много чего есть, чего бы лучше не было. Но перед новым «полем» кто об этом помнит?!

Так вот, значит, все разъехались. Однако Виктор посновал по кабинетам, переговорил с "оставниками" и, наконец, свел Карцева с одним из них: рослым, флегматичным молодым детиной по фамилии Новиков, только что выехавшим в город по подозрению на энцефалит.

– И где он умудрился его подцепить? – удивлялся Виктор. – В их краях и клещей никто не видывал...

Тот подтвердил, что в Борисихинской партии, работавшей неподалеку, километрах в трехстах от города, есть вакансия геолога. И если начальство даст добро на оформление Карцева, то до базы партии можно будет добраться без особых хлопот: рейсовым автобусом до Шаталинского леспромхоза, а там с какой-нибудь попутной машиной.

– А что, у вас платформа или складчатая область? – поинтересовался Карцев, пока слабовато ориентировавшийся в геологическом строении данного района Сибири. – На платформе работать не хотелось бы...

– Не-е, – заверил его Новиков, – у нас все нормально: метаморфиты, вулканиты, серпентиниты, гранитоиды, флиш, моласса и все стоит на голове или лежит всяко...

Они подошли к висевшей на стене геологической карте региона и стали всматриваться в ломано-прямоугольный контур Борисихинской площади, съемку которой в масштабе 1:50000 начала данная партия.

– Значит, от архея до кембрия, – наконец заключил Карцев. – Не приходилось еще, но, пожалуй, годится. Что, идем к начальству? – повернулся он к Виктору.

– Идем-то, идем, – покачал головой друг, – да вот закавыка: главный геолог экспедиции в отъезде и за него остался Благодистин, которого мы втихаря зовем Пакостин – потому что он любит пакости людям устраивать и тоже втихаря. Черт знает, как он тебя примет... Но делать нечего, пошли. Давай и ты с нами, товарищ Новиков!

– Что это за делегация? – спросил из-за стола крупнотелый человек лет пятидесяти, с пышной седеющей шевелюрой, кривоватой улыбкой и пронизательными глазами. Карцева он выхватил взглядом мгновенно, но тут же перевел глаза на Степанова, проигнорировав Новикова вовсе.

– Да вот, Юрий Сергеевич, мой студенческий товарищ хотел бы к нам устроиться...

– А при чем тут Новиков? Его племянник?

– Ну, в Борисихинской партии вроде бы вакансия есть... – заробел друг Витя.

– Вакансия..., – усмехнулся Благодистин. – Слова-то какие знаете... Идите оба, работайте.

А Вы останьтесь, – глянул он в лицо Карцеву, и тот с трудом подавил инстинктивное желание отвести глаза: настолько живо ему показалось некое щупальце в своем нутре.

– Так Вы тоже МГРИ кончали? – начал разговор босс.

– Да, шесть лет назад, в той же группе, где были Степанов и Карпенко. Сюда многие из наших поехали...

– Помню я вашу стайку: прилетели, пошумели и упорхнули. Вот только двое зацепились... Впрочем, ничего плохого про них сказать не могу. А Карпенко у нас вообще считается перспективным....

Благодистин немного помолчал, видимо, соображая что-то про Володю Карпенко, и вновь глянул на просителя (и вновь Карцев чуть не отшатнулся, теперь уже потупя взор):

– Где же Вы эти шесть лет трудились? Кстати, Вы мне не представились...

– Карцев Сергей Андреевич. Четыре года работал на Южном Урале, на разведке медно-колчеданных месторождений, около двух лет – в Энской гидрогеологической экспедиции, осуществлял контроль за охраной подземных вод.

– Что за странные флюктуации?

– Пытался угодить жене. Она родом из Энской области.

– А теперь у жены появилась новая прихоть: пожить в Сибири?

– Нет, мы разъехались и поэтому я тут, возле своих друзей.

– Ну, женское сердце переменчиво. Она может вновь захотеть соединиться, и Вы опять отбудете в Энк.

– Это исключено. Туда – ни за какие коврижки.

– Что так, скучно было жить или теща заела?

– Вы угадали: там было скучно. Потому что я был не геологом, а гидрогеологом, а это две большие разницы.

– Да уж, – с задумчивой интонацией произнес Юрий Сергеевич и вдруг заговорил более живо:

– Нам, действительно, нужен геолог в Борисихинскую партию. Вы, работая на Урале, видимо, неплохо познакомились с вулканитами?

– Только ими и занимался: от базальтов до риолитов. А также залегающими среди них рудами.

– Что ж, на Борисихинской площади таких пород предостаточно, но метаморфизованных до состояния зеленых сланцев и пока без медноколчеданных руд. Так что придется Вам поднапрячься и их выявить. Сейчас я выпишу направление в отдел кадров, и они Вас оформят, как положено.

– Спасибо, Юрий Сергеевич, – поднялся с места Карцев, – постараюсь Вас не подвести.

Однако кадровичка Карцева огорошила. Просмотрев его паспорт и не обнаружив прописки, она вернула документ на стойку:

– Без прописки я Вас оформить не могу!

– Но я, вероятно, буду жить в вашем общежитии, там меня и пропишут!

– В общежитии сейчас мест нет. Устраивайтесь на частную квартиру, там прописывайтесь, а потом приходите сюда.

С вытянутым лицом Карцев поднялся в кабинет к Степанову.

– Ничего, – приободрил его Виктор, – с общежитием у нас еще может быть шанс: Маша в неплохих отношениях с комендантшей Тамарой. Сегодня же пригласим ее в гости, и ты должен

ее обаять. Она холостячка и до мужчин, по слухам, охоча – тем более, незнакомых, свежих, так сказать.

– И сколько же этой охотнице лет?

– Да, вроде, наша ровесница или чуть постарше... По крайней мере, выглядит она старше, опытнее. Еще бы: раньше-то работала в милиции и дослужилась до капитана! Потом с кем-то там не поладила и подалась к нам в коменданты.

– Ничего себе, портретик ты нарисовал! Небось, еще и внешне помесь кобры с табуреткой?

– Да нет, внешне она как раз яркая, все при ней. Вот только если тебе не нравятся еврейки.... Хотя в институте ты ведь всех одобрял: и кубинок, и узбечек, и евреек...

– Ну, в этом я по-прежнему интернационалист, – заулыбался Карцев. – Как она относится к коньяку?

– Не знаю, не угощал. А стопки с водкой опрокидывает лихо, по-мужицки. В ментовке, наверное, и спирт употребляла...

– Нет, раз стоит задача обаять, до водки мы опускаться не будем. Только коньяк и шоколадные трюфеля – естественно, за мой счет. Уж очень не хочется снимать угол в частном доме с удобствами на дворе.

Приятель чинно сидели на диване, против телевизора и обочью журнального столика, заставленного угощением и украшенного бутылкой армянского коньяка, когда в комнату вошли Маша и темноволосая, среднего роста женщина в блестящем тесноватом платье, «подчеркивающим» формы, которые и в самом деле наличествовали. Пока Маша знакомила Сергея и Тамару, они оба внимательно, без церемоний, разглядывали друг друга и, видимо, первым впечатлением остались довольны.

«Да она со своими живыми карими глазами, крупными чувственными губами, гривой тяжелых волос, соразмерными грудью и бедрами при все еще узкой талии и ровных ножках может за красавицу сойти!» – приятно удивился Карцев. Чуть позже он, конечно, углядел легкие мешки под глазами, паутинку морщин вокруг них, рыхловатость бархатистой кожи лица, наметившийся двойной подбородок, уже не девичью шею, грубоватые, жесткие пальцы с желтизной на правой руке (курильщица, видимо, заядлая!), хрипотцу в голосе и вообще некоторую вульгарность... Что подумала о Карцеве Тамара, осталось неизвестным, но она, несомненно, уловила искры восхищения в его глазах, что ей несказанно польстило: окружающие мужчины давно ею не восхищались.

Расселись, выпили за знакомство, одоблив и коньяк и разорившегося на него залетного гостя, причем Тамара тут же ввернула рассказец о какой-то давней пьянке в Криволуцком УВД, когда, вопреки обыкновению, пили и коньяк и шампанское. Впрочем, после второго тоста ("за дружбу!") она целиком переключилась на Карцева, выведывая, откуда, почему и зачем он приехал, а узнав о разрыве с женой (глупо было бы скрывать этот факт от человека, ведающего пропиской!), решительным тоном предложила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.